

Философское монтеневское общество – 2014

НА ГРАНИ МИРА И ВОЙНЫ

Луганск

2015

Вы держите в руках сборник докладов философского монтеневского общества за 2014-й год. ФМО существует в Луганске более двадцати лет, но доклады его ранее не публиковались под одной обложкой. Тематика докладов самая разнообразная и будет интересна всем, кто увлекается философией, социологией, политологией, эстетикой и другими гуманитарными науками. Это не сборник научных статей, а попытка общения с читателем вне академического формата. Мы намеренно опустили сведения об авторах, чтобы оставить читателя один на один с текстом.

*За возможность
опубликовать эту книгу благодарим
Николая Щербакова*

От составителей

Предлагаемая вашему вниманию книга представляет собой сборник докладов, которые были прочитаны на заседаниях монтеневского общества в течение 2014-го года. Философское монтеневское общество существует в Луганске более двадцати лет. Возникло оно как сообщество людей, которые интересуются философией, культурологией, социологией и другими гуманитарными науками. Общество названо в честь Мишеля Монтеня, французского скептика, и старается реализовать критическое отношение к любому мнению и право высказывать любые идеи.

Монтеневское общество собирается по средам в течение учебного года. Каждый интересующийся философией независимо от рангов, регалий и рода профессиональной деятельности может сделать доклад на заявленную тему. Слушатели могут задать три вопроса и высказать свое мнение об услышанном. В конце докладчику даётся несколько минут для ответного слова. На доклады приглашаются все желающие. Благодаря этому монтеневское общество стало совершенно особым культурным явлением в нашем городе, о котором читатель сегодня может составить представление.

Прошедший год был непростым, это был год войны, год больших перемен для Луганска, для всего нашего края. В результате некоторые докладчики уехали на Украину, некоторые остались в ЛНР. Нам хотелось показать, чем в это время интересовались луганчане, какие темы обсуждали, что было важно и актуально.

Сборник открывается списком всех тем за прошедший год, далее представлены тексты избранных докладов, некоторые из них в сокращении. Издание не предполагает какого-то научного аппарата. Кто угодно может прийти на заседание, войти в аудиторию, занять место среди слушателей и принять участие в обсуждении. Данную ситуацию и моделирует эта книга. Вы читаете тот текст, который прозвучал на заседании, входите в круг слушателей, составляете своё мнение и даже можете задать вопросы докладчикам по электронной почте. Надеемся, вам это будет интересно.

*Елена Заславская
Нина Ищенко*

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКЛАДОВ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ

29.01.14. Мирозозренческая борьба вокруг понятия личность в немецкой классической философии (Сабадуха В.А.).

5.02.14. Жажду справедливости утоляет соль (Атоян А.И.).

12.02.14. Невидимая Церковь в массовой культуре (Ищенко Н.С.).

19.02.14. Событийные уроки Майдана (Ерёменко А.М.).

26.02.14. Приоритет духовного над материальным как онтологическое условие жизнедеятельности человека и общества (Сабадуха В.А.).

5.03.14. Французский имперский проект и его геостратегический смысл (Саранов С.В.).

12.03.14. Некоторые закономерности истории в свете изучения луганских архивов (Ерёменко А.М.).

19.03.14. Идентичность. Я, которого не существует (Егоров Р.).

26.03.14. Гностические идеи в советской фантастике («Кин-Дза-Дза», «Трудно быть богом») (Ищенко Н.С.).

2.04.14. Апории Зенона и квантовый хаос (Шурко О. А.).

16.04.14. Обсуждение классического философского фильма венгерского режиссёра Золтана Фабри «Пятая печать» (Ерёменко А.М.).

30.04.14. Обсуждение фильма «Когда Ницше плакал» (Сигида А.А.).

7.05.14. Национальные проекты в Российской империи начала XX века (Гаухман М.).

14.05.14. Американская культура как универсальный посредник в творчестве Кэндзабуро Оэ (Ищенко Н.С.).

21.05.14. Ментальность луганчанина: ценности, совесть, смысл жизни (Рудоквас В.С.).

28.05.14. Философия Resistense, или Встреча в Музее Человека: «Предательство интеллигенции» Жюльена Бенда и «Во что я верю» Жака Дюкло (Атоян А.И.).

12.11.14. Теория общественного строя без антагонистических противоречий (Бутенко Ю.Л.)

19.11.14. Три способа взаимодействия с миром чудесного на примере сказки А.С. Пушкина о золотой рыбке (Ищенко Н.С.).

26.11.14. Винегрет – блюдо простое: заметки едока о едоцкой норме (Пирамида потребностей без Маслоу) (Атоян А.И.).

3.12.14. К вопросу о движущих силах истории: последний акт холодной войны (Крысенко Д.С.)

10.12.14. Солнце русской поэзии, или Лермонтов – наше всё. К 200-летию со дня рождения (Бойчук С.С.).

28.01.15. Философия войны в русской поэзии периода Великой Отечественной войны (Даренский В.Ю.)

4.02.15. Философия мира милитаристской Спарты (Бойчук С.С.)

5.02.2014

Атоян Арсентий Иванович
atoyanpp@bk.ru

ЖАЖДУ СПРАВЕДЛИВОСТИ УТОЛЯЕТ СОЛЬ

Кто посолит соль, если она не солёная?

Евангелие от Луки.

Стреляйте первыми, господа!

Фридрих Энгельс

*Всем телом, всем сердцем, всем сознанием –
слушайте революцию.*

Александр Блок.

В социуме происходят явные сдвиги, и признаки общенационального кризиса налицо. Казалось бы, революционная ситуация может прогнозироваться как высоковероятная, но нет того чистого и светлого ощущения избавления от несправедливой власти и не парит над облаками дух преобразований. В чём же дело? Почему у людей затяжная депрессия? В чём соль солёного? В чём революционность самого процесса революции? Поспешим разочаровать сторонников переворота: никакой революции не происходит. События не влекут к обществу большего равенства, справедливости и братства. Совсем напротив, они подтверждают, что зашедшее далеко гниение зависимого и отстающего в развитии социального организма продолжается. И достигло ещё одного критического рубежа, но – увы – это для системы не смертельно. Её основной резерв – доверие народа к своим и чужим институтам при показательном отречении от них. Бунт в своём обнажённом нутре есть смирение паче чаяния. Именно из смирения потом может вырасти бунт, но уже другой, отчаянный, не верящий в собственный успех. Из таких бунтов рождаются тирании.

Бунты мелкой буржуазии по природе амбивалентны. Она собственница, она же труженица. Впрочем, обоим качествам свойственно деградировать. Что в ней несомненно, так это желание жить лучше лиц наёмного труда и не ждать, когда тем повысят зарплату. Исторически так сложилось, что мелкая буржуазия живёт всегда лучше разнорабочих, но не всегда лучше квалифицированных работников или просто рабочих по специальности частного и государственного сектора. Отсюда зависть: я больше напрягаюсь, а они работают на твёрдую ставку. Но если предложить мелкому буржуа всю жизнь работать на среднюю твёрдую ставку в промышленности, то он захочет большего: вторая работа, приработки, все виды халтуры, забвение трудового этоса, привычка ко всем видам лёгких и не совсем лёгких денег возвышают мелкобуржуазную душу. Эти привычки заражают и пространство вокруг буржуа. Другие также хотят жить лучше, но при этом не напрягаться на основном рабочем месте. Так рождается потребительская волна: им позволено – значит позволено и мне. Как тут не вспомнить Юнга: чужой грех не оправдание собственного. Но – увы – и именно аргумент

от чужого греха и есть главный в стремлении людей обогатиться, разбогатеть, выйти в люди брюхом, а не духом. Ссылки на бедных детишек можно отместить встречным ответом: разве у тружеников, но не собственников меньше детей? Похоже, даже больше. Это всё подобно аргументу гулящей: надо детей кормить, но рядом такие же, да не такие женщины, которым и в голову не придёт гулять, чтобы кормить детей. По сердечной ли склонности или по потребностям брюха – есть всё же разница. Аргументация собственников, у которых есть время митинговать неделями, понятна. Понятны и вечные люмпены, которые там, где пахнет жареным. Но народ в наше время – это прежде всего лица наёмного труда. Их прикармливают и тоже посылают митинговать, но это совсем другая публика, без оголтелости. Чаше что-то вроде военнообязанных. К ним же примыкают и служащие госучреждений.

Словом, социальная основа общедемократического движения мелкобуржуазна. Словосочетание «мелкая буржуазия», как и слово «ренегат» не должно восприниматься как оскорбление. Это научная констатация факта. Впрочем, как и выражение «регрессивно-паразитарные группы населения». Это просто наш способ изъясняться недостаточно изысканно.

Революционный процесс – это открытая возможность социального творчества новых укладов жизни и производства, поведения и восприятия действительности. В широком смысле это перемена культурного кода вследствие перемены социально-экономического уклада, более или менее решающего в системе. В данном случае, в обществе вторичной капитализации, речь о системе зависимого капитализма.

Украинская олигархия играет на всех шахматных досках, но когда проигрывает, скидывает фигуры на пол. Это возможно только тогда, когда мир наёмного труда, база подлинной революции, безмолвствует по существу.

Какое отношение имеет революционный процесс к вечной справедливости? Если под последней – вечной справедливостью правящих – понимать библейские камни вместо хлебов, имеет самое прямое.

Но сначала о метафизике соли.

Соль – это тело. Телесные потребности, едоцкая норма во всех её аспектах без пирамиды Маслоу и прав потребителей. Изначальная соль телесного существования. Живое живёт за счёт живого, как у индусов.

Соль – это истина, отличная от нашей и вашей правды, царственная и сама себе значимая, она неподкупна и непродажна.

Соль – кровь, пролитая и готовая пролиться, а также не готовая быть пролитой.

Соль – это платежи, французская габель, ярмо или, говоря хорошим языком русского человека былых времён, вышедшим из употребления, – тягло, тягловое состояние, распределяемое далеко не на всех поровну.

Соль – вещество, которым солят пищу и посыпают раны. Чтобы они напомнили о себе. Как квиетизм религиозной морали или лирический беспредел песенной гипертрофии чувств.

Соль – это суть процессов, суть революции, её квинтэссенция в двух вопросах – главном о власти и основном о собственности, несколько пожел-

тевшая от лежания без востребования в информационную эру, когда под солью стали понимать заменители – суррогаты (четвёртая власть, пятое колесо, шестое чувство, седьмое чудо, восьмая добродетель бодхисаттвы и так далее).

Соль – это, наконец, соль. Без феноменологических редукций ренегатов из регрессивно-паразитарных отходов отдельных классов социума.

Почему соль потеряла вкус? Почему так много людей обезумели в жажде справедливости заплатить приемлемую цену, будто не знают, что кошелька не хватает?

Соль ситуации в предчувствии гражданской войны. В 1991 чувствовалась её возможность и верилось, что она будет. Потом оказалось, что у великой страны нет граждан. В 1993 неумелая защита Советской власти Хасбулатовым и Руцким похоронила её как идею праведного гнева здесь и сейчас. В 2014 не верится и потому интуиция подводит. Граждане манифестируют о том, что они вроде бы есть. Нет государства, ибо клуб частных интересов не есть договор о соблюдении общественных интересов. Массовое нарушение конституции и законодательства не признак революционности, а банальное хулиганство, мародёрство и правовой нигилизм. Насилие и договор применяются неэффективно потому, что обе стороны настроены одинаково фанатически.

К слову сказать, половина населения в мыслях в прошлом, половина в мыслях в будущем. Никто не хочет жить в реальном измерении времени. Один грезят Европой, другие ностальгируют по великой стране, которую сами же и развалили. В ходу новые слова: евродебилы, евроскандал, евроистерика, еврофашизм... Какое обогащение языков, какой вклад в европейскую и евразийскую культуры, какая мощь новой филологии и какая перспектива для всяких олухов – не важно, филологических или социологических, литературных или философских. Захребетное отношение к словам только прикрывает внутреннюю панику: а вдруг они обретут плоть?

То, что начинается как прикольная забава, перерастает в систематическое, но гнилое и повсеместное навязывание нового духа нетерпимости к несогласным. У нас не Аргентина и не Хорватия? В одной люди исчезли на десятки лет и нет известий, в другой сербских детей прибывали к дверям роддомов. Первая свидетельствует о скрытой гражданской войне в виде диктатуры, вторая о войне в буквальном смысле.

Источник гнилого потребительского бунта не нехватка, дефицит или оскудение, а излишек потребностей ложных, фальсифицированных, подкинутых извне. Взрыв потребительских ожиданий сверх разумной меры, желание здесь и сейчас сродни потенциальному приготовлению преступления. Не те, кто больше нуждается, а те, кто думает, что им больше позволено, руководят вспышками иррациональной энергии.

Наряду с реальными проблемами душат ирреальные или виртуальные. Айфоны не суть предмет первой необходимости, как и автомобиль. Поощрение потребительского спроса должно быть установлено в разумных пределах. Погоня за новинками выдаётся за инвестиционный климат.

Страна третьего мира вообразила, что её хотят посадить на поезд, на боку которого красуется надпись «Золотой миллиард». Жрать в три горла и жить за счёт остального отсталого человечества? А почему бы и нет, если красиво жить не запретишь. Таковы правила игры.

Революция начинается с того, что ломает правила игры. У мелкой буржуазии нет сегодня желания сломать систему, ибо она – система - её – новую мелкую буржуазию – создала. Она только хочет, чтоб власть не жульничала. Скажите пожалуйста, а разве вы сами не обмериваете, не обвешиваете, не обсчитываете и так далее? Вор у вора дубинку украл... Рука руку моет, обе грязные... Жулик на жулике сидит и жуликом погоняет... Коррупция? А стоять за деньги не коррупция? Ах, не названо в законе? В этом-то и суть, что там много чего по имени-отчеству не названо. Жлобьё – кумовьё - жульё- дубьё... кто кому сват?

Никакой производственной необходимости в плановой экономике в этом растущем секторе не было, но общество нуждалось в длительной укладности? Так, да не так. Многоукладность надолго завещана основателем советского государства. Слом уклада мелкого хозяина, кажется, перед вторым появлением совнаркомов нанёс ущерб советскому социализму. Вторичная капитализация учла этот опыт. Выбор 1989 состоял в принятии польской или китайской модели? А своей не было? А как же все эти программы перехода – Шаталина, Попова, Гайдара, Явлинского.. Эко хватил! Старьё. Зато объясняет пустоту блокнотов нынешних рыночников. Делать как у них, а получится что получится. Получилось, что большинство общества это не устраивает. Но от системы ни на шаг. Общедемократические требования при социализме – Венгрия 1956. Общедемократические требования после социализма? Майдан 2013 и 2014 на Украине.

Итак, никакой новой модели. Снова переворачивание репки: парламентско-президентская республика вместо президентско-парламентской, монополистически-государственный капитализм вместо государственно-монополистического, европейский выбор задаром вместо того же выбора за деньги и так далее.

Ответ есть – переучреждение государства вместо перезагрузки той же вороватой, плутоватой и хамовитой власти. Страна устала от жестоких, продажных и бездарных режимов.

Переучреждение государства на основе другой модели теоретически возможно.

Как запасной вариант об этом знают даже регионалы, которые, похоже, ничего не знают и в школу истории не ходили, вчера вылупились. Идея третьего съезда в Северодонецке прозвучала после идеи съезда в Киеве. Испугались. Если сделать акцент на местных советах, то такой съезд мог бы представить украинскую глубинку и быть источником легитимного порядка. Но для этого необходима как минимум буржуазная революционность.

Беда большевиков в том, что они не поняли природы вещей, природы советской власти. Она не была только государственностью, но и зародышем общественного неполитического самоуправления.

Как соединить самоуправление и государственность? Проблема квадратуры круга?

Ответ неясен. Гипотетически можно предложить идею соуправления государства и гражданского общества с одной стороны и самоуправления, прежде всего местного, и народных и общественных коллективных организаций с другой при ключевой роли территориальной общины и высшего советского органа – съезда и его коллективного президента. Для начала убрать изжившее двоевластие колонизаторов собственной страны. Сказать унитарной и централизованной, олигархической и урезанной демократии – Нет!.. Опоздали: ультраправые пожертвовали буржуазной демократией ради шабаша – здесь и сейчас. Несправедливость вернётся и в случае восстановления такой демократии, но и скорого возврата не планируется. Эрзацы, только эрзацы, задники на сценах.

Соль переходных обществ в том, куда же они переходят.

Переходить из второго во второй нелогично и исторически кирпич висит. Переходить в первый рановато (евроинтеграция Хорватии ещё не сделала её Европой). Переходить в третий не хочется, а ведь туда просто столкнули. Прыгать, пока не примут в первый. Это и есть оранжевое дежавю. Остаться в гордом одиночестве как Беларусь? Не получается из-за элиты.

Выработка стратегии движения по пути дальнейшей капитализации так или иначе проходит по потребностям миллионов людей. Евроинтеграторы обещают адаптацию, но на каком уровне? На уровне ассоциации, но это и есть уровень Фиджи, Мексики, Ирака, стран не европейских, но ассоциированных. Они идут своими путями, но товары из Европы имеют рынки в них, вытесняя слабое и не очень слабое местное производство. Другая сторона – дальнейшее движение. Перемена цивилизации (Хантингтон называет страны, которые хотели переменить ориентацию, да не вполне получается: Турция, Мексика, Австралия, Южная Корея и Украина) не есть второстепенная деталь конфигурации этого мира. Дело не в аппетитах российского капитала, а в душе народа, в ориентации на другие ценности. Евразийский дух восточного славянства – такой же миф, как и его европейский дух. Речь идёт о двойной или перекрёстной идентичности и такой же самобытности. Уйти в другую цивилизацию означает встать в другое общество или просто сдаться новому хозяину. Надежда на автоматизм и привлекательность европейских брендов не сработала. Поэтому разбор полётов на самом деле ещё впереди.

Будущее человечества не может принадлежать колониям. Н.М.Витренко права: сопротивление колонизации – единственный способ избежать пребывания в зависимом социуме. В некотором смысле мы тоже индейцы, то есть часть отсталого человечества, которое хотят цивилизовать.

Запад – это только часть человечества и его пик уже позади. Т. В. Гончарова говорит о том, что этот тип цивилизации чужд большинству народов мира. Впрочем, предоставим слово самой латиноамериканстке: «Всё чаще подлинное возрождение индейских народов связывается с перспективой нового типа цивилизации, которая в последних размышле-

ниях А. Тойнби предстаёт как своего рода «сельская цивилизация», войти в которую будет легче именно так называемому «отсталому большинству человечества», т.е. людям с пониженным уровнем потребностей и экологически ориентированным мышлением» .

«А я говорю вам: изгоняйте страх и не говорите мне суетных слов о величии Рима», – реплика Христа в одной из пьес Бернарда Шоу. А может быть в рядах третьего мира также почётно? Не всем же быть первыми? Но и старая истина «отсталых бьют» по своему верна. Как же быть, чтоб остаться собой и чтоб не били?

Возможна ли справедливая Украина, занявшая достойное место в ряду подлинно независимых государств на равных?

Здесь и сказывается последний момент справедливости – справедливость применения силы против преступника, преступных сообществ и преступного мира как такового. Вот камень, под которым зарыто жало змея. Достать и уничтожить его крайне опасно. Но именно в этом решение. Справедливо применить силу против максимально представительного сообщества преступников и правонарушителей, что предотвратит массовые нарушения Уголовного кодекса и создаст условия для изоляции преступных политических, экономических и антикультурных групп в дальнейшем. Изоляция крайних фракций правящего класса без организованного давления на него невозможна.

Все майданы имели бы смысл, объединившись против криминальной буржуазии и олигархии посредством поддержки всевластия местных советов, самоуправления, самоорганизации, самовооружения, самосудочинства, соуправления обновлённого аппарата и революционных масс и переучреждения государства. Но это программа открытого перманентного революционного процесса, выходящего за рамки первого и второго этапа революции, в третий... Кто-то покачает головой: не хватает махновской тачанки. Как это далеко от реалий! Чтобы быть революционером, надо как минимум иметь революцию, говорил молодой Че, отправляясь посмотреть на революцию в Гватемале. Тропический Юг, трагический Север... А у нас всё про Запад.

Не хотите справедливости потока истории? Тогда остаётся подчиниться пресловутой необходимости правового поля. А вы готовы подчиниться закону? Ведь и майданов могло бы не быть, если бы провели референдум по всем ключевым вопросам и добровольно приняли бы его результаты. Все. И победившие, и проигравшие.

ГНОСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКЕ

Гностики это эзотерическая секта, возникшая в Римской империи во 2-м веке нашей эры. Гностики были реакцией умирающего античного мира на появление христианства, это была хорошая попытка перехватить инициативу, использовать в своих целях новые и набирающие популярность христианские образы и идеи. Гностики хотели использовать христианскую оболочку, но сохранить старый языческий смысл. Попытка не удалась, и после нескольких веков упорной борьбы гностики сошли со сцены. На некоторых моментах этого идейного противостояния я и хочу сейчас остановиться.

Учение гностиков было эзотерическим. В гностических сектах было несколько ступеней посвящения. В отличие от христиан, которые проповедовали свои священные тексты на улицах и площадях всем, кто хотел и не хотел их слушать, гностики открывали свои тексты только избранным после многолетних испытаний. Потому неудивительно, что после поражения гностиков собственно гностических текстов почти не осталось, так что в исследовании гнозиса приходится опираться на христианских полемистов. Надо сказать, что христианские теологи хорошо знали свое дело. Уже в 20-м веке были открыты подлинные гностические тексты, и они не прибавили ничего существенного к уже известной картине.

Итак, гностики задаются вопросом: как возможно зло в мире? Как добрый совершенный Бог мог сотворить злой и несовершенный мир? Гностических сект было великое множество и подробно пересказать все варианты их ответов нет возможности, так что я опишу, сам принцип гностического решения вопроса, который однозначно маркирует гностическое мировоззрение.

Решение это следующее. Существует наивысший Бог, который абсолютно благ, хорош и совершенен. От Бога отпадает некий мир. Этот мир тоже благ, хорош и совершенен, но уже несколько хуже, чем сам Бог, потому что таким же абсолютно хорошим не может быть ничего, кроме Бога. От этого мира отпадает еще один мир, который в свою очередь немножко и незначительно хуже первого; от второго мира отпадает третий, и так далее. Разные секты насчитывают от тридцати до трехсот шестидесяти пяти миров, каждый из которых немного хуже предыдущего. В самом низу лестницы находится наша земля, и это уже сущий ад. Наш мир сотворен из материи, которая так ухудшилась, что по существу является злом. Некоторые гностические секты считали, что Бог Ветхого Завета это сам Сатана, что Творец нашего мира это Люцифер. В этом мире всё зло, всё плохо, это обреченное тлению и ужасу место.

Но в этом ужасном аду есть светлые моменты – это души людей. Души людей как искры истинного света, они занесены в этот мир из того са-

мого высшего и самого светлого мира, они состоят по существу из добра, противоположного злу. И тут самая главная гностическая идея, ради которой всё и затевалось, – такие души-искры имеют не все, а только некоторые. Большинство людей имеют душу из той же материи, что и всё в этом мире. Такие люди зовутся людьми природными, они погибнут вместе с душой когда умрут. Есть люди душевные, которые имеют шанс попасть в нижний круг рая, если будут вести строгий образ жизни и соблюдать все предписания морали. И наконец есть истинные люди, люди духовные, пневматики. Только их души заброшены к нам сюда из верхнего мира, и только эти души возвратятся туда после смерти. Однако для того, чтобы вернуться в высшую сферу, пневматик должен владеть некоторыми особыми техниками и обладать неким особым знанием. Знание по-гречески гнозис, отсюда и происходит название «гностики».

По учению гностиков Иисус пришел в наш мир только ради них, ради пневматиков. Всё, что написано в Евангелиях, это пустяки для простаков, на самом деле Иисус принес тайное знание, тот самый гнозис, который с тех пор гностики передают друг другу, чтобы вернуться на свою сияющую родину. Нужно особо отметить, что пневматики попадают в самую высшую сферу не за свое поведение и не за свои заслуги, а только по своей природе. Они не обязаны соблюдать моральные нормы, они могут вести себя как угодно, они будут спасены просто потому, что их души изначально оттуда, из царства света, туда они и возвратятся.

Мы видим тут разделение людей на два сорта, на две породы, если можно так сказать. Пневматики высшие по своей природе и стоят над моралью, им позволено всё, и они спасутся. Остальные же низшие по своей природе, погибнут вместе с миром и по сути эти люди даже при жизни не имеют особой цены.

В описании нашего мира гностицизм смыкается с манихейством. Манихеи не признают иерархии миров, по их учению наш единый мир сотворили добрый и злой бог, которые равны по силе между собой. Злой бог сотворил материю и человеческие тела, а добрый – души. Смерть это освобождение из этого ада, из плена материи, после смерти души возвращаются к светлому богу. Казалось бы, для манихея естественный выход – самоубийство. Однако и гностики, и манихеи признавали переселение душ. То есть уходить надо всем вместе; пока на земле рождаются дети, душе придется возвращаться обратно, и хорошо если на день или на год, а если нужно будет провести в этом плену лет пятьдесят? Потому манихеи, как и гностики, выбирают следующую стратегию – нужно обратить в свою веру всё человечество, и коллективно покончить с собой. Не в смысле всем выпить яду, а перестать рожать детей. Тогда в следующем поколении человечество вымрет и все освободятся.

Христианство конечно же не могло отнестись к этому учению равнодушно. У христианства было что противопоставить гностицизму догматически, и Церковь, тогда еще гонимая и преследуемая, бросилась в бой.

Христиане не признают иерархии миров, наш мир единственный. Этот мир не отпал от Бога, как у гностиков, а сознательно сотворен благим Бо-

гом. Сотворив мир, Бог сказал, что это хорошо, то есть наш мир по природе своей добр и хорош, а не зол.

Далее, человеческое тело в его нынешнем состоянии конечно слабо и убого, но Господь воплотился именно в человека, а не в ангела или какую-то высшую силу. Господь почтил и освятил человеческое тело, и презирать тело как таковое значит идти против Господа. Христиане признают воскресение в телах, то есть тело достойно вечной жизни не меньше, чем душа. Этим разбиваются гностические тезисы о том, что тело есть изначальное зло, обреченное на вечную гибель.

Церковь благословляет брак и деторождение. Церковь не учит о переселении душ. Августин говорит об этом так: если человек жил праведно и после смерти должен удостоиться Царства Небесного, не будет ли бесчеловечной жестокостью отправить его опять на землю, в душу какого-нибудь животного? Это невозможно, Бог никогда не отдаляет от себя тех, кто приходит к нему. Далее, воскресение телесное прямо противоречит идее о переселении душ.

Разумеется, не могли христиане смириться и с заявлением, что Христос пришел только ради пневматиков. Христос умер за всех и пришел ради всех и каждого, не выделяя какую-то особую породу людей. Спасутся те, кто принял дар бессмертия, кто подтвердил это своими поступками, так как вера без дел мертва. Никакие заклęcia, психотехники и тайное знание тут не помогут. Что нужно знать для спасения, Церковь говорит открыто всем.

Каждое своё утверждение христиане могли подтвердить ссылкой на Писание и таким образом показать тем, кто искренне заблуждался, что гностики не христиане, и вывести этих людей из секты. После трех веков активной борьбы гностицизм сошёл со сцены, или погиб, или ушел в глубоком подполье.

Какое-то время империя жила, занимаясь внутрицерковными спорами, тринитарными и христологическими, пока в 8-м веке не появились знаменитые павликиане. Это были открытые манихеи, с которыми ромейская империя долго вела борьбу, в том числе и вооруженную. Но самым значительным выступлением гностиков было противостояние в Провансе, в 13-м веке, которое завершилось Альбигойским крестовым походом.

Гностики, которые тогда выступили против католической церкви, назывались катарями, чистыми. Это означало, что им дозволено всё, их не загрязнит никакая нечистота. У секты было несколько ступеней посвящения. Для простецов ограничивались антикатолической пропагандой, благо папский Рим давал для этого поводы, посвященные же практиковали безбрачие в смысле отказ от брака одного мужчины с одной женщиной, полную сексуальную свободу для членов секты, и эндурю. Эндурой называется умерщвление голодом. Эндуре подвергали больных, стариков и детей, мотивы легко понять из изложенного.

В конце 12-го века катарская ересь захватила северную Италию и южную Францию. Местные сеньоры поддерживали катаров и вступали в секту по политическим соображениям. Появились целые области, где католичес-

кие священники не смели показываться под страхом расправы, а когда в одном южно-французском городе сенешаль-катар арестовал католического епископа, папский престол наконец-то осознал, что время полумер прошло. Против катаров был созван крестовый поход, и через несколько лет катаров полностью уничтожили, сравнив Прованс с землей.

Однако как всегда бывает в таких случаях, главари секты оставили простецов на убой, а сами скрылись. Катары считали дозволенным врать и убивать ради своих целей и допускали ложную клятву. Именно для борьбы с катарами, для того, чтобы не дать распространиться ереси снова, была создана Первая инквизиция. В дальнейшем инквизиция выродилась в довольно одиозную организацию, но о Первой инквизиции этого сказать нельзя. Я не склонна преувеличивать благость и доброту католической церкви, но тогда в Провансе католики столкнулись с силой, которая могла уничтожить человечество каким мы его знаем. Гуревич описывает, как в одной деревне в Пиренеях была обнаружена катарская секта. Женщины этой секты рассказывали инквизитору, как им было жалко морить голодом своих только что рожденных детей, просто сердце разрывалось, а глава их секты и отец всех этих детей говорил им, что это дьявольское искушение и им надо молиться, чтобы не обращать на это внимания. Если бы это победило и стало нормой, мир был бы значительно хуже. В той битве я на стороне католиков, их победа – наша победа.

Если в 13-м веке католики отбились, то триста лет спустя они потерпели поражение. Я оставляю открытым вопрос о том, были ли первые протестанты связаны с теми самыми первыми древними гностиками. В любом случае главную гностическую идею о двух типах людей протестанты перетворили и стали воплощать в жизнь. Большинство протестантских сект признают двойное предопределение, а именно: некоторые люди еще до их рождения предопределены Богом к раю, а все остальные тоже еще до их рождения предопределены к аду. Поступками этого изменить нельзя, переход между категориями абсолютно невозможен.

После победы протестантизма гностицизм уже никогда не уходил со сцены и всегда был в поле зрения любого европейски образованного человека. Повлияли гностические идеи и на западную фантастику, а через неё – на фантастику советскую.

Я не касаюсь вопроса о путях этого влияния, я хочу показать элементы гностического мировоззрения в известных произведениях.

В фильме «Кин-дза-дза» мы сразу же видим иерархию миров. Земля где-то посередине, высший и светлый мир – Альфа, низший и худший – Плюк. Путешествие между мирами возможно, для этого нужно иметь определенное знание, гнозис. В данном случае это координаты планеты. Заметьте, что на Землю в конце концов попадают те, кто изначально был с Земли, люди другой породы, плюканцы, на Землю не попали. Хочу также обратить внимание на то, что Альфа, которая по замыслу гностиков должна быть самой привлекательной, оказывается самой отвратительной планетой. Плюканцы не ангелы, но их вредности какие-то детские – заполучить цветные штаны или ходить на всех плевать. Жители Альфы другое дело,

это царство серьёзной недетской гордыни. Они знают, что они лучше всех, что они другой породы, они имеют право решать, кому жить, а кто будет кактусом, и ни на минуту не сомневаются в этом своем праве. Наивысший круг гностического рая оказывается самым последним кругом христианского ада.

Со Стругацкими мне будет гораздо легче. Ещё когда я смутно представляла себе, кто такие гностики, но была большой поклонницей дуэта АБС, я прочитала в одном их интервью, что они по мифологическому словарю искали, как называется их мировоззрение, и нашли, что это гностицизм.

Не будем подвергать сомнению эрудицию авторов. Поищем элементы гностического мировоззрения в их творчестве.

Далеко ходить не надо. В романах, посвященных прогрессорству, мы наблюдаем хорошо знакомую нам иерархию миров. В качестве самого светлого мира выступает Земля, все остальные миры хуже и должны быть культурно уничтожены, не должны быть сохраняемы в том виде, в каком они есть. Путем прогресса эти миры должны стать такими, как и Земля. Добиться этого прогрессоры пытаются, интегрируясь в элиту. Они там дворяне, руководители, министры, начальники охраны, а не простые люди из нижних социальных слоев. Сравните: «Еще очевиднее обнаруживается ложность их толков относительно семени и может быть усмотрена каждым в том, что они говорят, будто те души, которые получили семя от Матери, гораздо превосходят других, почему и почтены Демиургом и поставлены князьями, царями и священниками». Ириней Лионский, «Против ересей», 2, 19.

Прогрессоры в этих мирах ведут себя как гностическая секта – скрываются, прячутся, хранят тайну, открывают правду о высшем светлом мире только посвященным. Прогрессоры ищут в этих мирах людей, которые достойны стать в один ряд с землянами, и только им помогают, только их могут в любой момент забрать на Землю из этого ада. Такие люди воспринимаются как равные, в отличие от всех остальных. Румата смотрит на Будаха как на равного себе землянина. В последней сцене «Парня из преисподней» Гаг встречает доктора, который везёт лекарство в город, где свирепствует эпидемия. Это маленький заляпанный грязью человек, но Гаг смотрит на него и видит высокие светлые залы, дворцы, полные прекрасных людей, и вот этот врач – такой как они, той же самой природы. Ради таких и стоит стараться.

Там, где Стругацкие не описывают контакт цивилизаций, а пишут об одном обществе, в их борьбе с мещанством явно видно презрение пневматиков к гиликам, к природным людям. Разделение людей на две породы, на два несмешиваемых вида является центральной идеей АБС. В «Обитаемом острове» люди делятся на две группы – одни чувствительны к излучению, другие нет. Отбор происходит не по моральным или физическим данным, принадлежность к группе врожденная, изменить группу путем сознательных усилий невозможно. Выделение из человечества иной, высшей расы является главной темой романа «Волны гасят ветер». В качестве гнозиса у Стругацких выступает научное знание. До инициации людины могли зани-

маться чем угодно, быть пряхой или агротехником, но после инициации они занимаются лишь наукой, познанием как таковым.

Особняком стоит роман «ОЗ, Отягощенные Злом». Это роман явно гностический, где гностики упоминаются прямо. Отягощенная злом это гностический термин, так гностики называли материю нашего мира. Один из главных действующих лиц – Демиург, это тоже гностический термин, так гностики называли творца нашего низшего мира. Все люди на Земле делятся на обычных людей, в которых нет ничего примечательного, и на тех, у кого есть душа, прекрасная как жемчужина. Эти души собирает Агасфер Лукич, и на этой почве с ним сходится Демиург. Он хочет заполучить портфель Агасфера Лукича, где тот хранит эти души-жемчужины, потому что ради этого он, Демиург, сюда и пришел.

Изложенная в этом романе версия евангельских событий тоже восходит к гностикам. Августин пишет, что в его время, через сто лет после миланского эдикта, некоторые представляли Иисуса мягким и добрым учителем нравственности, который вовсе не собирался умирать на кресте, а арест и смерть его были подстроены Петром. Петр хотел таким образом прославиться и добиться власти, заставив верить в того, кто Богом не являлся. Эту же версию повторяют АБС в книге.

Таким образом, мы видим созданный умными и талантливыми людьми настоящий гностический космос. Разные стороны жизни регламентируются гностическими идеями. Перед нами замечательная модель, на которой можно проследить разные моменты гностического учения в их развитии и взаимодействии.

Есть мнение, что фантастика это такой жанр, изначально приспособленный для выражения именно гностических идей. Не хочешь гностической картины мира – смотри на иконы, а в фантастике ничего другого быть не может. Это было бы интересной задачей именно с точки зрения эстетики – исследовать, так ли это на самом деле, действительно ли перед нами форма, приспособленная только для одного типа содержания. В связи с этим можно упомянуть «Аэлиту» Толстого и «Час Быка» Ефремова – произведения явно не гностические, однако и вершинами жанра в чисто литературном плане их не назовешь. Оставляю эту идею будущим исследователям.

ФІЛОСОФСЬКИЙ ПАРАДОКС ЗЕНОНА ЯК КВАНТОВИЙ ХАОС

Часи античності сміливо можна назвати часом цвітіння філософської думки. Гомер, Фалес, Протагор, Зенон – імена, викарбувані античністю на віки. Недарма саме за часів античності філософи стикалися з випадками, коли в процесі обґрунтування певного твердження одночасно створюються умови і для доведення його істинності, і для його спростування. Апорія Зенона про стрілу є одним з таких парадоксів, розв'язання яких набуває особливого значення саме тоді, коли йдеться про дослідження основ буття: властивостей часу, причинності явищ і т.д. Так, згадувана апорія Зенона торкається питання про природу і властивості часу. Але не лише у часи античності парадокс Зенона користувався попитом філософської думки, індійська філософія також не залишилась остороною.

Коротко нагадаємо сутність апорії Зенона. На його думку, стріла, що летить, не рухається, позаяк в кожний момент часу вона займає рівне їй самій положення, тобто покоїться; позаяк вона покоїться в кожен момент руху, то вона покоїться в усі моменти часу – не існує моменту часу, в якому стріла здійснює рух. Такий висновок ґрунтується на уявленні про те, що часовий континуум складається з нескінченної кількості відрізків і може бути таким чином розділений на окремі «моменти», в кожен з яких стріла займає рівне собі положення.

У VI ст. до н.е. послідовники давньоіндійської релігійно-філософської школи джайнізму по-своєму розв'язали парадокс Зенона, висунувши тезу, що «атом може існувати більше ніж в одній точці простору у неподільний момент часу». Також у філософії джайнізму було сформульовано ідею, що частинка може одночасно знаходитися і в стані руху, і в стані спокою – залежно від позиції спостерігача.

Як відомо, окремі природничі науки вийшли з філософії. Відбувалася спеціалізація і подрібнення напрямів досліджень. Втім і після розгалуження напрямів знання філософія намагалася розв'язувати наріжні питання, що стояли перед людиною. Одним з філософських способів пізнання є діалектика. На думку Фрідріха Гегеля, Зенон є батьком діалектики, але не лише у античному, а й у гегелівському сенсі цього слова. Так, Гегель у своїй праці «Історія філософії» підкреслив, що зенонівська діалектика матерії «не спростована до сьогоднішнього дня». Паралельно з філософією глобальними питаннями світобудови зайнялася і фізика. Так, властивості часу сьогодні досліджує не лише філософія, але й квантова фізика.

Парадоксальний висновок Зенона про неможливість руху був зумовлений тим, що він послуговувався лише логічним аналізом у дослідженні природних явищ. Неважко помітити, що джайністи, звернувшись до протофізичних понять, значно наблизилися до сучасних уявлень про проблему. Справа в тому, що залежність результату спостереження від самого

спостереження є однією з базових ідей сучасної квантової фізики. Відтак парадокс Зенона розв'язується наступним чином. Ми можемо стверджувати, що стріла все ж рухається, адже рухається час. Квантова механіка побудована на понятті відносності, тобто будь-яке спостереження того ж явища може бути різним в залежності відносно чого саме ми спостерігаємо, відносно точки відліку. Тобто саме спостереження змінює саме явище. З огляду на це важливо мати на увазі, від чого саме ведеться відлік місцезнаходження стріли. Якщо точкою відліку є лучник, то на кожній ділянці руху будемо розглядати такі проміжки часу дельта t , в яких стріла не рухається. Всі такі ділянки однакові, але різні дельта t_2 і дельта t_1 початкова ділянка руху, t_2 і t_3 відповідно. А якщо їх різниця відмінна, то положення у просторі відносно початку відліку також, і відповідно стріла переміщується у просторі.

Зв'язок між спостереженням і результатом спостереження наочно ілюструє знаний парадокс kota Шр'юдінгера. Так, у 1978 р. американськими фізиками Б.Мізром та Е.Судерманом було опубліковано статтю «Квантовий ефект Зенона». Вони дійшли до висновку, що безперервне спостереження за процесом радіоактивного розпаду унеможливує сам розпад. Тут доцільно згадати про парадокс «кота Шр'юдінгера». Нагадаємо, він полягає в наступному. У коробці вміщено механізм, що містить радіоактивне ядро та ємність з отруйним газом. Параметри експерименту підбрано таким чином, що ймовірність того, що ядро розпадеться протягом однієї години, становить 0.5. Якщо ядро розпадається, то воно задіює механізм, він відкриває ємність з газом, і кіт помирає.

І тут ми знову звертаємося до квантової фізики. Якщо над ядром не виконується спостереження, то його стан описується суперпозицією (сумішшю) двох станів: ядра, що розпалося, та ядра, що не розпалося. Отже, з точки зору квантової фізики, кіт, що сидить у коробці, і живий, і мертвий одночасно. Втім з точки зору здорового глузду це неможливо: кіт може бути або мертвим, або живим («ядро розпалося, кіт мертвий» або ж «ядро не розпалося, кіт живий»).

Отже, у квантовій фізиці немає визначеностей, все відбувається з тією чи іншою вірогідністю, тобто будь яка подія вірогідно може відбутись, а може і ні. Візьмемо для прикладу рух електрона на орбіті. В квантовій фізиці електрон може бути де завгодно, але вірогідність знайти його на орбіті близька до одиниці, а в іншому місці до нуля. Те саме стосується і згаданого kota Шр'юдінгера. Вірогідність того, що він живий, при відкритті коробки близька до нуля, а того, що він мертвий – до одиниці. Але нас цікавлять відмінності цієї вірогідності поки коробка зачинена.

Сьогодні квантова фізика може дати відповіді на деякі питання, що постали перед античною філософією. Тому при розгляді апорії Зенона про стрілу, можна застосувати поняття квантового хаосу – руху, який в класичному приближенні не є регулярним. Наприклад, у класичній фізиці регулярний рух – це коли при маленькій зміні початкових параметрів більше ніж з однією степенню свободи така зміна траєкторії підвищується по експонен-

ті, тобто хаотично. Але у квантовій механіці навіть такий рух можна роздивитись як лінійну зміну траєкторії.

Таким чином виникають висновки, які змінюють рівномірність траєкторії від античної філософії до сучасності.

По-перше, тепер нам видається перспективною взаємодія філософії з наукою, а особливо – з квантовою фізикою, позаяк їхнє предметне поле часто збігається. Питання, які в давнину розглядали античні і давньоіндійські філософи, сьогодні цікавлять не лише їхніх послідовників, але і вчених-фізиків.

По-друге, ми помітили, що філософія ще в античні часи виявляла певні властивості явищ буття, які здавалися мислителям парадоксальними. Прикладом цього є апорії Зенона. Однак сучасна квантова фізика, підійшовши до вивчення, наприклад, часу, руху, матерії у власний спосіб, значно розширила наші уявлення про ці явища. Те, що могло здаватися парадоксальним Зенонові, фізики вважають нормою. Це можна побачити на прикладі парадоксу з котом Шрьодінгера.

По-третє, нам видається доцільним експериментувати із застосуванням понять та ідей квантової фізики у філософії. Так, поняття квантового хаосу (нерегулярного руху) може бути застосованим для розв'язання зенонівського парадоксу про політ стріли.

Загалом ми вважаємо, що наявність отаких парадоксів свідчить про те, що на момент їхнього виникнення людство ще не мало відповідного філософського та наукового інструментарію для дослідження певних сторін нашого буття. Стикаючись з парадоксами, людське пізнання визначає проблемні точки, подолання яких буде можливе з розвитком науки та філософії, а також їхньої співпраці.

КОГДА НИЦШЕ ПЛАКАЛ

Ассанте играет Фридриха Ницше. Фильм снят по мотивам одноимённого романа Ирвина Ялома. Блистательный Арманд Ассанте побывал в роли шотландского сепаратиста, Одиссея. Так что в роли ФВН он вполне уместен.

О чём сам фильм? О Ницше, понятно. Но что является его лейтмотивом помимо личности поэта и философа? Кстати, именно Вагнер ввёл понятие «лейтмотив» в музыку. Летучий мотив, Летучий Голландец, один из многих германских музыкальных терминов вообще.

Если вспомнить тему моего прошлого доклада, о фильме Нины Ивановны Шориной «Ницше в России», там было два лейтмотива: безумие и экстремизм. Всё как в романе «Преступление и наказание» Достоевского.

А вот в работе «Когда Ницше плакал» – это психоанализ. Даже лучше, Его Величество Психоанализ. Судите сами, согласно сюжету, ФВН лечит от отчаяния по рекомендации Лу Саломе (sic!) д-р Йозеф Брейер, которому помогает его молодой коллега Зигмунд Фрейд или Зигги, как с дружеской фамильярностью зовёт его Йозеф.

Разумеется, сюжет является вымышленным. В реальности ФВН никогда не встречал Брейера или Фрейда, а те в свою очередь не лечили его с помощью бесед и не подвергали его гипнозу. В то же время г-жа Саломе действительно общалась и с Ницше, и с Фрейдом, но в разное время.

Что общего у Ницше и Фрейда? Скорее всего, социальная роль. Ницше, Фрейд и Маркс. Чёрная троица ниспровергателей. Ницше – за смерть Бога, Маркс – за смерть Капитала и Государства, Фрейд – за смерть Морали и в конечном счёте Семьи. Три великих безбожника или три ересиарха? Без сомнения, в их текстах есть и нигилизм, и анархизм. Словенские нигилисты из музыкальной группы Laibach ёмко сформулировали это в альбоме We are time: «The end of history, the end of science. The end of family, the end of violence».

Задолго до появления фильма я увидел Ницше и Фрейда под одной обложкой. Это была тёмно-синяя обложка советского философского сборника под названием «Сумерки богов» 1990 года издания. Время сумерек советских богов.

Психологизм творчества Ницше очевиден, как и нигилизм. Это логично, ведь он был под влиянием текстов Достоевского. Отсюда и диалектическое противоречие между верой и безверием, между революционером и реакционером, между «идёшь к женщине – возьми плётку» Заратустры и панической боязнью перед Лу Саломе у ФВН. Как и у другого нигилиста, Базарова; тот ниспровергает мораль, но трепещет перед Одинцовой. Диалектика, единство и борьба противоположностей.

Кем является ФВН по отношению к Зигмунду Фрейду? Без сомнения, предтечей. «Мой день – послезавтрашний». Так бывает: идеи, которые сегодня приведут вас в тюрьму или в сумасшедший дом, послезавтра приведут вас в парламент. Что мы и наблюдаем сейчас. Вторая мышь получает сыр. Ницше нанёс рану христианству в Европе; Психиатрия имени Святого Зигмунда стал европейской религией, с храмами – Институтом психиатрии имени Луи Пастера в Киеве, например, со священниками – психиатрами, еженедельные беседы – исповеди. Ведь по-французски *confession* – это и исповедь, и признание. А священные тексты Фрейда и толкователей рекламируются не хуже Библии. В этом мифе есть место и гонению на психофрейдизм безумного императора Нерона, простите, безумного диктатора Адольфа Гитлера. Последний очевидно страдал от нереализованного либидо. Ему просто во-время не предоставили психиатра.

А истеричная «Анна О.», описанная в работах Фрейда об истерии, Берта Паппенгейм, ставшая, как сообщается в конце фильма, выдающимся социальным работником? Полагаю, она далеко не единственная такая выдающаяся. Это символично, из дома для душевнобольных – в соцработники. Лучше всего в ювенальные.

Как и положено, у Иоанна Предтечи должна быть своя Саломея, плясунья. Лу Саломе, воистину плясунья. И в фильме русская немецкая девочка в известном смысле подаёт нам голову Фридриха Предтечи на блюде. Зато как пляшет, красивая! «*Tanzen mit den Troubaduren, zwischen Heiligen und Huren, heil, wer neue Tanze schafft!*». Тот самый танец Заратустры, не о ней ли это?

В фильме д-р Брейер не без помощи Зигги устоял перед коварным соблазнителем ФВН. Ницше чуть было не разрушил еврейскую семью своими речами о свободе и сверхчеловеке. И тем не менее доктор не вылечил доктора от отчаяния.

А вот Ницше вылечил доктора от отчаяния. Как и многих других.

Что ж, видно нам ещё долго придётся мириться с противоречиями близких нам людей.

И последняя мысль... В порядке оффтопа, так сказать. Если уж прококаиненный Фрейд с его известными экспериментами на себе не считается безумцем... То мой любимый философ Фридрих Вильгельм Ницше и по-прежнему не безумен!

Первый год Новороссийской республики.

АМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРА КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПОСРЕДНИК В ТВОРЧЕСТВЕ КЭНДЗАБУРО ОЭ

Кэндзабуро Оэ родился в 1935-м году, то есть в 1945-м, когда американцы оккупировали Японию, ему было десять лет. Своё детство он провёл в маленькой горной деревушке, и как он сам потом писал, эта деревня стала для него моделью мироздания, к этому топосу он обращался не раз в своём творчестве. Оэ вспоминает, что последние военные годы в стране не хватало бумаги, дети писали на каких-то обрывках, учебники печатались на ужасной тёмной грубой бумаге. Когда пришли американцы, на всю школу привезли учебники по демократии и конституции, которые Америка принесла в Японию. Эти учебники были двухтомные, большого формата, на гладкой белой бумаге. Они так поразили и восхитили мальчика, что любовь к демократии и конституции он пронёс через всю свою жизнь. Все беды Японии он видел в том, что Япония недостаточно усвоила демократию и конституцию. Когда в шестидесятые годы в Японии наметилось какое-то противостояние США и движение за суверенитет, Оэ порицает это движение совершенно искренне и с негодованием. Он рассказывает о своём ровеснике, который назвал первенца Кон-скэ, в честь конституции. Потерю этого энтузиазма по отношению к американским ценностям Оэ порицает и считает причиной всех бед послевоенной Японии.

Как видно, идеи Оэ не новы. В нашем обществе последние 2-3 десятилетия они активно распространяются, только уже по отношению к России. Никаких необычных мыслей по этому поводу у Оэ читатель не найдёт, но будет поражён исполнением. В нашем культурном пространстве эту концепцию продвигают в основном публицисты и пропагандисты, чья ангажированность очевидна и отталкивает любого непредвзятого слушателя. Оэ же в своём творчестве воплощает эти идеи с небывалым совершенством. Поскольку сейчас на Украине увлечённость западной культурой с одной стороны и отторжение этой культуры с другой стороны вызывают такие нешуточные потрясения, нам будет вдвойне интересно увидеть, как это происходило у другого народа.

Кэндзабуро Оэ – один из виднейших писателей послевоенной Японии. Его книги переведены на русский давно и продолжают издаваться, однако анализ творчества Оэ не обновлялся со времени первых изданий. Интересующийся читатель найдёт только старые комментарии, которые несомненно имеют свою ценность, но я уверена, что рецепция Оэ русским обществом наших дней может добавить что-то новое к образу японской культуры, очень популярной, но всё ещё недостаточно понятной. Надеюсь, что предлагаемый разбор основных романов писателя поможет восполнить этот пробел.

Итак, пять произведений Оэ: «Опоздавшая молодёжь» (1962), «Футбол 1860» (1967), «Объяли меня воды до души моей...» (1973), «Записки пинч-раннера» (1976), «Игры современников» (1979). Во всех этих романах есть общие мотивы, а в четырёх из них прямо описывается одна деревня, потому я буду рассматривать их в комплексе. Самые важные образы раскрываются не в одной книге, а во всех вместе, хотя сюжетно произведения не связаны.

«Футбол 1860»

Романы Оэ посвящены жизни послевоенной Японии. Основная тенденция этой жизни – включение Японии в демократический западный мир, её вестернизация, столкновение Японии с американской культурой. Эти моменты отражены во всех романах Оэ.

Название произведения всегда несёт особую смысловую нагрузку. Мы видим, что из пяти главных романов писателя в двух американские игры упоминаются в названии. Это игры, получившие распространение после войны, под американским влиянием. В «Футболе 1860» подчеркивается, что до эпохи Мэйдзи в Японии не было футбола. Что же тогда значит это название?

«Футбол 1860» – это первый подход к играм в одновременность, которые так хорошо получаются у Оэ. Апофеоз этого подхода – «Игры современников» (другое название, на мой взгляд более точное, – «Игры в одновременность»), но и в этой книге уже видны все важные моменты.

В романе рассказывается о двух событиях, которые происходят в одном и том же месте, функционально с одними и теми же главными героями, но разделены эти события столетием. Это крестьянское восстание 1860-го года и выступление деревенской молодежи против сложившихся порядков в 1960-м году. В 19-м веке это было обычное крестьянское восстание, в 20-м – лидер деревенской молодежи заставляет ребят играть в футбол, чтобы сплотить их, сделать из аморфной массы боевой отряд, и футбол становится символом всех случившихся в деревне беспорядков.

Несмотря на некоторые заметные отличия, события развиваются по одному сценарию, в романе описан своеобразный скелет, форма, голая структура, которая может по-разному заполняться конкретикой, но по сути остается неизменной и воспроизводится с интервалом в сто лет. Почему же не восстание выбрано для обозначения этого повторяющегося события, а футбол?

Это способ показать, что именно является моделью и образцом. Не новые американские влияния интерпретируются автором в духе японской культуры, а наоборот – события японской истории, повторяющиеся не одно столетие, переосмысливаются с позиций американской культуры.

Такого рода прогрессизм подразумевает, что все народы должны пройти одни и те же ступени развития, что Япония отстала на этом пути, а Америка впереди всех, потому необходимо как можно активней двигаться по этому пути и пересмотреть всю свою историю на предмет соответствия эталону – западной культуре.

«Объяли меня воды до души моей...»

У Оэ не только японская история перетолковывается на западный манер, но и другие культуры воспринимаются сквозь призму западной.

В романе «Объяли меня воды до души моей...» показана молодёжная экстремистская группировка. Для подготовки к будущим боям подростки занимаются английским языком. Они читают на английском Достоевского.

«Прежде всего ему необходимо было подготовить тексты. У него в убежище были лишь две английские книги, которые он читал во время своей затворнической жизни: «Моби Дик» и Достоевский в английском переводе. Он выбрал проповедь старца Зосимы и написал ее за неимением доски на большом листе бумаги. Он выбрал из Достоевского именно эту главу, желая пробудить у подростков уважение к китам, как к animal. Кроме того, чтобы заранее отвлечь их от насилия, которое они могли совершить над Дзином, он попытался воззвать к ним с помощью следующего отрывка. Это была часть текста, заранее отчеркнутая им красным карандашом:

...Man, do not pride yourself on superiority to the animals: they are without sin; and you, with your greatness, defile the earth by your appearance on it, and leave the traces of your foulness after you – alas, it is true of almost every one of us! Love children especially, for they too are sinless, like the angels; they live to soften our hearts and as it were, to guide us. Woe to him who offends a child!..

...Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный оставляешь после себя – увы, почти всяк из нас! Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам. Горе оскорбившему младенца...»

В этом отрывке выражено в кратком виде идейное содержание романа. Главный герой совершил преступление – убийство ребенка. Главной герой уходит от общества, называя себя поверенным китов и деревьев, то есть отвергается от людей ради животных. Знаменательно, что это идейное ядро описано словами Достоевского, но на английском языке. О китах вторая книга, которую Исана взял в свое затворничество - «Моби Дик». Опять для выражения смысла своего бытия герой использует английский язык и американского автора.

Далее:

«Young man, be not forgetful of prayer. Every time you pray, if your prayer is sincere, there will be new feeling and new meaning in it, which will give you fresh courage, and you will understand that prayer is an education.

Юноша, не забывай молитвы. Каждый раз в молитве твоей, если она искренна, мелькнет новое чувство, а в нем новая мысль, которую ты прежде не знал и которая вновь ободрит тебя; и поймешь, что молитва есть воспитание.»

Подросткам понравился этот текст, и многие выучили его наизусть. Некоторые слова они оставили без перевода, так как не смогли подобрать японский эквивалент. Свои боевые действия по подготовке к будущему восстанию они называли prayer и считали, что этими тренировками способс-

твуют своему education. В финальном противостоянии с полицией им пришлось выдерживать осаду, и слова «Young men be not forgetful of prayer» они сделали своими позывными, когда им удалось выйти в эфир.

Что мы тут видим? Что англоязычная западная культура является мерой всех культур. Все другие культуры воспринимаются только через эту призму. Как известно, Достоевский и Толстой были популярны в довоенной Японии, и не просто популярны, а великий прозаик Акутагава Рюноске выражал своё восхищение ими и испытывал их влияние в своём творчестве. Японцу вообще-то нет нужды обращаться именно к английскому переводу, чтобы ознакомиться с Достоевским. Я полагаю, это сознательная полемика с существующей традицией, отказ от старого способа взаимодействия культур и демонстрация новой роли американской культуры в мире.

Далее будет показано, что в этом мировоззрении западная культура является эталоном не только для японской истории и для всех других культур, но и образцом христианской культуры как таковой.

«Записки пинчраннера»

Еще одно произведение Оэ, название которого отсылает к американской спортивной игре. Как рассказывается в самом романе, бейсбол для послевоенного поколения был чем-то особенным. Те, кому в 1945-м было 10, вкладывали в бейсбол всю душу. Попасть в школьную команду, участвовать в соревнованиях было мечтой. Бейсбол был символом новой жизни, нового единства. Дети следующего поколения не увлечены бейсболом, и это воспринимается как потеря, как что-то достойное осуждения. Когда игрок бежит по полю, зрители кричат ему «ЛИ ЛИ», от английского слова «лидер, лидировать». Это крик «ЛИ ЛИ» звучит в душе главного героя в самые сложные моменты его истории, когда ему нужно принимать важное, определяющее решение. Таким образом, бейсбол и всё с ним связанное имеет в романе исключительно положительные коннотации.

Воспользуюсь комментариями Гривнина. Пинчраннер это игрок, у которого нет закрепленного места на поле, он бежит туда, где он нужен, помогает команде там, где команда не справляется. Другими словами, пинчраннер это помощник, спаситель. Роман называется «Записки Спасителя», что задает определенное восприятие для представителей христианской культуры.

В центре повествования Мори и отец Мори, испытавшие то, что отец Мори называет «превращение». Это событие мистического плана, которое воспринимается не как точечное чудо и локальная флуктуация, а как прообраз будущего спасения всей нашей планеты. Отец и сын, которые своим превращением спасут всё человечество.

В этом романе встречается единственная на весь корпус цитата из Евангелия, с характерным изменением:

«Я лежал на полу, налипшая на него давнишняя и свежая грязь пропиталась кровью, которая струилась из носа и ушей. Я лежал на мятых, перепачканных листовках, пахнувших типографской краской. Усугубляя жестокую физическую боль, меня мучило и нечто иное — страшное предчув-

твие. В ушах звучала строка из Библии, правда несколько измененная: «Прежде чем пропоёт петух, ты трижды отрече́шься от себя, превратившегося». Причём «ты» относилось не ко мне, а к Мори. Мною овладел ужас — а вдруг Мори забыл о миссии, ради которой произошло наше превращение, переметнувшись в лагерь тех, кто называет его наш боец?!»

Противостоящий Мори Могуущественный Господин А. сравнивается с Гитлером, а Гитлер — с Антихристом. Могущественный Господин А. олицетворяет большую политику западного толка, и в то же время его происхождение из архетипической японской Деревни показывает, что порождён он самой Японией, вышел из народа. Могущественный Господин А угнетает деревенских, они его боятся, это показывает, что в принципе тут возможен конфликт и отторжение этого явления самой Деревней, но в рассматриваемой книге этого не происходит, деревенские всё-таки его слушаются. Вот так традиционная Япония вместе с Западом порождает подобного героя, который стремится свергнуть мир в ядерную катастрофу. Мори удаётся сорвать его планы ценой собственной жизни.

Как замечает комментатор, обращаясь к христианским образам, автор не вкладывал в них какой-то глубокий религиозный или мистический смысл, он просто выбрал понятную западному читателю форму, чтобы донести свою мысль, объяснить что хорошо и что плохо. Скорее всего это так и есть У меня создалось впечатление, что автор не уделял этой теме особого внимания. В его время было очевидно, что прогресс не остановить, успехи науки бесспорны, а религия – пережиток отсталого тёмного прошлого. Можно использовать эти образы как символы, чтобы очертить борьбу всего хорошего против всего плохого, и не более того. Язычество у Оэ получается куда живее и убедительней, оно такое полнокровное, мощное и жизнеспособное, что христианские абстракции совсем теряются и гаснут на этом фоне.

Итак, мы снова тут видим использованный ранее приём – описание христианства как части западной культуры, даже более узко, как части американской поп-культуры. Это всё, что у автора есть по данной теме.

Автор у Оэ

Проблема высказанности какого-то смысла, описанности какой-то общности занимает важное место в творчестве Оэ. Явно этой темы автор не касается только в «Футболе 1860», но и этот роман можно поставить в один ряд с остальными.

В «Опоздавшей молодёжи» говорится, что спящая деревня это спящий великан. В «Играх современников» уточняется, что этот великан – Разрушитель, основатель деревни-государства-микрокосма. Там же объясняется, что оживить убитого Разрушителя и пересказать мифы и предания нашего края – одно и то же действие. Интересно, что описывает общность, высказывает её ценности всегда чужак. Возможно, это ещё один способ показать, что старая традиционная Япония скомпрометировала себя и теперь должна молчать в новом мире, что сама Япония не может высказать свою

истинную сущность – отсталость на фоне западного прогресса, тут нужен взгляд со стороны.

Текст «Опоздавшей молодёжи» – это записки-мемуары главного героя. Он там главное действующее лицо, но всё же смотрит на события постфактум, несколько со стороны. Кроме того, он ещё в детстве покинул деревню и всячески старается от деревни отгородиться, и внутренне и внешне. В «Футболе 1860» рассказчик тоже выходец из деревни, много лет проживший в Токио, и уже совсем не деревенский человек по своим установкам и ценностям. От событий в деревне, которые разворачиваются у него на глазах, он подчеркнуто отстраняется. «Объяли меня воды до души моей...» углубляет эту тему: Союз свободных мореплавателей приглашает специалиста по словам со стороны. В «Записках пинчраннера» эта тема выходит на первый план — встреча отца Мори и его будущего писателя является завязкой действия, отец Мори подробно объясняет, зачем ему нужен писатель, который поведаст миру о нём и его превращении. Сам писатель в событиях не участвует. В «Играх современников» эта тема одна из центральных. Рассказ ведётся от имени человека, который должен записать мифы и предания нашего края, он сын чужаков в долине и много лет назад уехал оттуда, описывает он мифы и предания нашего края в Мексике, на другом краю света.

Во всех своих книгах Оэ очень далек от принципа «нет фактов, есть интерпретации». Факты там есть и полнокровная духовная реальность стоит за каждым событием, но для того, чтобы проявиться во всей полноте, ей нужно быть высказанной в слове, в тексте. Связь автора с текстом — главная проблема развития романа двадцатого века, и тут Оэ следует духу времени, но этот формальный момент у него иначе обоснован. Текст у Оэ это не изобретение автора и с ним невозможны игры в бисер, текст это всегда отражение какой-то реальности, часто суровой и жестокой, всегда живой и стремящейся к полноценному проявлению в мире. В «Играх современников» это чувствуется особенно сильно, там это целая космогония, работающая модель мироздания, и нельзя сказать, что это мироздание дружелюбно человеку.

Деревня-государство-микрокосм

Деревня как государство и микрокосм – основная тема романа Оэ «Игры современников». Я считаю этот роман лучшим у Оэ и одним из лучших, что мне приходилось читать, хотя идейное содержание этого романа мне полностью чуждо. Это самая лучшая из известных мне реализаций концепции социального номинализма.

Социальный номинализм предполагает, что сложный социальный организм не имеет никаких свойств, которые не выводились бы из свойств его частей. В частности, если государство состоит из деревень, то все свойства государства сводятся к свойствам деревни и деревенской жизни, потому описание государства как самостоятельной сущности избыточно и ненужно. Главное в жизни народа – это деревня.

Такой подход культивируют в последние годы на Украине и вообще в постсоветском пространстве. Эту технологию пытаются применить против России не только на её западных окраинах, Сибирь тому пример. Но в подавляющем большинстве случаев это делается очень неумело. Двадцатый век оставил от архетипической деревни одну этнографию, гибнущие формы, в которые уже невозможно вдохнуть живое содержание. Кокошник красив, но на свидание в кокошнике не пойдёшь. Мы слишком долго живём в Империи и слишком долго были впереди планеты всей в новые технологические времена, потому деревня для нас уже не может быть самодостаточной.

А для Оэ может. У него получилось. Это реальный живой организм, мощный, всеобъемлющий, самовоспроизводящийся. Деревня это живая модель мироздания, замкнутый микрокосм. Там и время течет по-своему. Использованный в «Футболе 1860» прием доведен до совершенства – рассмотрено множество вариантов одного сценария событий, показана его завершённость и целостность.

Оэ сам писал, что эта его книга – реакция на самоубийство Мисимы, который хотел возродить Великую Японскую империю, выступал с позиций всеимперской идеологии. Оэ решил создать идейную альтернативу всеимперской идеологии и мифологии и справился с задачей. Это та мифология, которая на макроуровне породила распад СССР на отдельные государства и в настоящее время плотно смыкается с нациестроительством западного толка, которое используется для уничтожения народного единства. В творчестве Оэ идеология выделения украинцев, казаков, поморов и сибиряков в отдельные нации получает мощную подпитку снизу, это живое движение навстречу, это момент, в котором сливаются западные и исконно языческие идеи.

Эта книга показывает, что язычество (в отличие от неоязычества) – не абстракция, не выдумка, не бессильное умствование ограниченного круга фанатов. Это реальность, с которой надо считаться и которой надо как-то противостоять.

Структура социального пространства деревни-государства-микрокосма и её место в пространстве мифического

В этой идеальной деревне есть анклав чужаков. Поначалу их было даже два – корейский посёлок и такадзёсцы, потомки коренных жителей долины. Сразу два мини-сообщества, принадлежность к которым вычёркивает из списка людей. В «Играх современников» автор видимо решил не распыляться, к тому же корейский посёлок указывал бы на реальную Корею, размывал бы пространство, так что остались только так называемые «потомки больших обезьян», отгноциденные жителями деревни, парии, соответствующие такадзёсцам из «Опоздавшей молодёжи». Если в первом романе герой пытается наладить контакт с изгоями и более того, именно они оказываются самыми человечными из всех жителей долины (такадзёсцы единственные кто сопротивляется оккупантам, когда остальные кричат «хелло», а кореец Кан – лучший и неизменный друг рассказчика), то в последнем

романе этих мотивов нет совершенно. И так, в архетипической деревне изгой присутствуют, менять их статус никто не собирается.

Деревня (она же государство, она же космос) часто описывается следующими метафорами: загробный мир, могила, земля мертвых, ад. Ад чаще всего. Ад ассоциируется с радостью и весельем, упоминается об эротизме ада (в этих двух романах и в «Футболе 1860» – сквозной мотив). Целый космос, модель мироздания, образец идейного костяка целого народа помещается в ад! Это совершенно особое мировидение, которое русскому читателю трудно вынести без эмоционального напряжения.

Похоже, в этот всеобъемлющий деревенский идеал входит инцест («Футбол 1860», «Игры современников»).

Таким образом, по основным мировоззренческим интуициям духовный мир, описанный Оэ, явно противоположен русскому духовному миру: замкнутая деревня вместо потенциально бесконечной империи; существование не-людей вместо христианского универсализма. Это буйное язычество очень хорошо уживается с западными ценностями. Западные идеи без существенных потерь включаются в идейный космос японской культуры. За счёт чего это стало возможным?

Ответ в том, что Оэ нашел в японской культуре именно те основные идеи, которые являются базовыми в культуре западной: деление людей на людей и нелюдей и небольшая община как основа, на которой строятся более сложные социальные структуры. Первый пункт выводит нас на Невидимую Церковь, о важности которой в западной культуре я писала уже не раз. Второй пункт смыкается с западным индивидуализмом. Западные политические и социальные теории исходят из того, что первичен индивид, а уже из желаний и интересов атомизированного индивида вырастают все сложные социальные и политические системы. У Оэ первичен конечно не индивид, а замкнутая небольшая самодостаточная община. Такие общины и их равноправные федерации играют большую роль если не в американской реальности, то в американской политической мифологии.

28.05.2014

Атоян Арсентий Иванович
atoyannt@bk.ru

**ФИЛОСОФИЯ RESISTENSE, ИЛИ ВСТРЕЧА В МУЗЕЕ
ЧЕЛОВЕКА: «ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ» ЖЮЛЬЕНА
БЕНДА И «ВО ЧТО Я ВЕРЮ» ЖАКА ДЮКЛО**

*Мало интернационализма отдаляет от родины,
много интернационализма сближает с родиной*
Жан Жорес

*Война – слишком серьёзное дело,
чтобы её можно было доверять военным*
Генерал де Голль

*Впереди пятьдесят лет необъявленных войн.
Я заключил контракт на все.
Не помню когда, но заключил.*

Эрнст Хэмингуэй

Жак Дюкло и философия Сопротивления – тема могла бы показаться академической и даже неактуальной, во всяком случае, не для злости дня философской общестственности, если бы не новые обстоятельства жизни в нацистском государстве в условиях гражданской войны. Актуальность стрельбы вовсе не всегда определяется стрелком, иногда за него решают те самые обстоятельства, о которых Хосе Ортега писал: «Я и мои обстоятельства». Герилья с оружием и без – продолжение оружия критики вплоть до критики оружием. Идея Маркса о критике оружием нашла отражение в названии работы Дебре «Критика оружием», но о пафосе партизанских войн в самом конце, а вернёмся к Дюкло и обозначим контуры темы: Франция – родина Народного фронта, Сопротивления и пример для других, в том числе современной Украины. Новые структуры зла сложились после Майдана (терминологически: военно-торговый плац у тюркских народов, на котором покупали наёмников и маршировали). Другой опыт – Шахтёрский марш мира в Донецке в мае 2014 и возложение цветов к памятнику жертвам фашизма – свидетельство того, что история – поток изменений, перемалывающий структуры.

У истоков Сопротивления стоят французы доброй воли, французские марксисты, социалисты, коммунисты, левые радикалы, католики. Народный фронт был ответом на угрозу фашизации страны, Сопротивление – следствием не только того, что пришли немцы, но и того, что потерпел поражение сам Народный фронт. Речь идёт об антифашистском априори. Гуманизм не может сочетаться с каннибализмом. Не вступая в полемику с каннибалами, которые утверждают, что не есть человеческое мясо нельзя, поскольку оно вкуснее другого (по принципу чужое сало не помешает), то есть невозможно не возгонять национализм до стадии его перерастания в фашизм, иначе нация и мова (читай: олигархи и «правительство народного

доверия» вурдалакам и трансвеститам) не выживут. Принципы антифашизма, антиклерикализма, интернационализма, нешовинистического патриотизма и нового регионализма или федерализма можно было бы включить в новую конституцию и принять всенародным голосованием, чтобы уже никакой состав парламентского сброда не смог их оттуда изъять. Но это к слову. Более важна проблема: что делать в условиях неполного знания? В данном случае большая часть общества смутно себе представляет природу феномена, с которым столкнулась. Не было ни гроша и вдруг алтын: вчера ещё над ними иронизировали, а сегодня они – хозяева положения, завладевшие монетой вымогательством, обманом и силой.

Итак, в чём же состояли идеи Народного фронта и Сопротивления, какую философскую основу может иметь и уже имеет антифашизм как идея, путь и ценность?

Идея Народного фронта впервые прошла проверку на прочность во Франции. Идея еврофашизма вряд ли родилась в Киеве. Хорватия и Венгрия несколько опережают Украину. В Хорватии выгнали из Краины и Книна 350 тысяч сербов и никто их обратно не приглашает. В Венгрии партия «Фидес» пока создаёт только условия для травли цыган. Гораздо тревожнее с вестями о выборах в Европарламент. Воистину, «коварен бог, ребром вопрос поставил «или-или»... Условно фашизм проходит несколько стадий: протофашизм или перезрелый национализм, ещё не пришедший к власти; классический фашизм слабого звена империалистической цепи (Италия, Испания); зрелый или предельный (Германия, Япония); зависимый, дочерний, спутниковый по отношению к классическому и зрелому (Венгрия, Финляндия, Словакия, Румыния в годы войны); зависимый, возвращенный демократиями Запада (Греция, Латинская Америка: Парагвай, Гаити и десяток других стран, Южная Корея, Южный Вьетнам – в этом смысле нынешний режим напоминает марионеточные режимы Ли Сын Мана и Тхиеу); еврофашизм как продукт скрещивания национальных и внешних потоков ультраправых движений (Хорватия Туджмана, Венгрия Урбана, Украина после Януковича); неофашизм, которому не далась власть целиком, но он широко представлен в наиболее развитых западных демократических странах, а также гибридные формы.

Относительно сущности феномена были сначала недоумения. Его рассматривали как движение аграрной буржуазии или юнкерства (П. Алатри), как надклассовое государство или движение мелкой буржуазии. Только усилиями Г. Димитрова и П. Тольятти было доказано, что на самом деле это движение финансового капитала. Сущность формы осталась неизменной, как и классовое содержание. Однако форма не должна подавлять эмоционально. Мы часто используем слово «фашист» метафорически. Но признаки неумолимы, если их нет, то определение движения не точно. Фашизм есть движение в интересах наиболее реакционных, агрессивных, шовинистических фракций крупного монополистического капитала, признаками чего является не только приоритет насильственных форм господства и полное пренебрежение законностью и правом, антикоммунизм, антисемитизм, подчинение человека руководящей общности (она, кстати, может

быть различна – партия, армия, церковь, профсоюзы, группа вокруг харизматического организатора и так далее), подмена всего общества его наиболее реакционным сегментом. Это всё на поверхности. Сущностными чертами выступает корпоративизм, элитарная исключительность по принципу преданности, ясная граница между фашистами и теми, кто не может быть фашистом по расовым, классовым, языковым и другим признакам, а также идеологический мистический комплекс оккультного и эзотерического плана, исключающий научную верификацию. Отчаянная демагогия, доходящая до краденых лозунгов и заимствований левой лексики и лозунгов. Своих идей слишком мало и они слишком непопулярны, потому наглое протаскивание своего под чужие знамёна (красно-чёрная символика анархистов украдена). К этому требуется добавить апелляцию к толпе, массе, шумовые эффекты обработки людей. Но первым и ключевым моментом является всё же корпоративизм – представление о некоем братстве по рангу «избранных» – единение всех национально ориентированных – а нация – высшая ступень, интернациональный фашизм невозможен – единение работников и хозяев на правилах вечного хозяина и столь же вечного лакея. Фашизм гибок и многообразен и не един по форме. В разных странах он может выглядеть внешне неодинаково. Оpoznать его не всегда легко. Необходимо искать признаки и характеристики объективного характера. Классические бандеровцы заявляли о близости к фашизму, но были скорее протофашистами или крайне правыми националистами (грань передвигаема), неклассические небандеровцы уже другая стадия. Еврофашизм – это измена первоначальному ядру бандеровца, утрата претензии быть авторитарно единственными хозяевами на своей земле. Эта слабость и отступление от принципов не случайны. Оставшись без масс, они не могли не измениться. Евромайдан – это прорыв в большую политику из положения вялого полуподпольного существования, но также и торжество брюха и глотки над разумом и совестью, взбесившегося от ужасов капитализма мелкого буржуа, желающего жрать в три горла и жить за счёт обворованных, обмороженных, обманутых, загнанных за грань выживания.

Власть и воля к власти у них всегда преобладали над конструктивными программами. Иногда создаётся впечатление, что власть избранных, причём без отчёта о проделанной работе, главная цель иерархов сумеречных движений. Власть как отчуждение и самоценность. Великий Ф. Феллини утверждал, что фашизм – это обрыв социальных и человеческих связей, замена их механическими командами и подчинением сильному (образ Казановы – поп-идола европейцев и сегодня – он считал фашистским – в одноимённом фильме и его объяснении в книге «Делать фильм»). Обеспечивание не единый акт, а длительный процесс, но иногда человек превращается в восторженного дикаря мгновенно (М. Ромм).

Привлекательность для молодых без опыта жизни в «фашистском образе жизни и смерти» (Г. Маркузе): героизация зла и порока против фрустрации не востребованности.

Но вернёмся к Сопrotивлению как ответу на новое явление. В 1934 французские фашисты попытались взять власть переворотом. Это сплотило

левые и демократические силы, и 14 июля 1935 был создан Национальный комитет Народного объединения – зародыш Народного фронта. В том же году Коминтерн заменил устаревшую тактику класса против класса на антифашистский фронт, внёс коррективы в практику отвержения классовых союзов.

Фашизм – абсолютное зло. Именно из этих соображений Н.М. Витренко призывала голосовать за Януковича. Тогда казалось, что она преувеличивает. Теперь прогноз политика подтвердился, а всякие хитроумные идалго скептицизма должны снять шляпу в восхищении перед политиком с большой буквы «V» - победы завтра.

В Народный фронт вошли десять организаций: коммунистическая партия; социалистическая партия; радикальная партия; группа независимых социалистов и республиканских социалистов, Лига прав человека, ВКТ и УВКТ, движение «Амстердам – Плейель», Комитет бдительности антифашистской интеллигенции и движение бывших фронтовиков. Мероприятия Народного фронта ставили целью расширение демократии и отвержение правых вариантов политического развития, укрепление французского государства путём социальных мер в пользу трудящихся. Фронт не ставил целью переход к социализму. Обострение борьбы помогло элитам свернуть его программу, ряд предательств неустойчивых союзников подорвал фронт и привёл к поражению.

В конце 30-х наметилась фашизация страны. Нас интересует здесь аспект фронта как межклассового объединения. В него входили различные силы.

В Народный фронт Новороссии также сегодня входят разные силы: я бы сказал «от олигархов до бомжей», но есть и признаки господства в нём здоровых сил. Идеология не выражена, несколько пугает заявка русского национализма на лидерство. Средние слои и рабочий класс – ось, вокруг которой всегда формируются народные фронты. Все их теоретики от Дюкло до Татьяны Заславской видели форму сплочения как широкое объединение недовольных системой. Взрывной потенциал огромен, но и риск раскола велик. Два полюса федерализма и сепаратизма могут сойтись в одном проекте только потеряв свою специфику. Одни хотят жить в федеративной Украине, других устроит крымский вариант. Но уйти, прихватив Донбасс, это не понимать трагедии всей страны, отвернуться от неё. Её необходимо очистить до Чопа. Иногда это выглядит как семейная ссора супругов: «Я много лет назад подарил тебе телевизор (Крым), а ты ещё вякаешь, ну я забираю и холодильник («Донбасс»). Но дареного не забирают, это азбука приличного поведения. Приличных империалистов не бывает, как и гуманных фашистов. Молодому поколению надо объяснять, что русский на Украине и украинец в России не чужие, а свояки. Их бьют о борт как в бильярде политики, но народ помнит, что один.

Сопrotивление оказалось необходимым по исторической причине потери инициативы левыми в Европе, и их вины нельзя не отметить.

Сопrotивление – это стиль бытия, мышления и образ чувств в дни оккупаций и реакционных режимов.

Спротивление – это антифашистский вклад в философию и практику левых и гуманистов.

Спротивление – это идея, путь и ценность.

Феномен Спротивления сложен и люди пришли в движение с разными убеждениями и неодинаковыми чаяниями.

Одной из самых первых групп Спротивления стала группа интеллигентов из Музея Человека, ядро которой составили учёные-антропологи, а инициаторами стали выходцы из России Борис Вильде и А. Левицкий. В группу вступили писатели, адвокаты, преподаватели, офицеры. Увы, опыта нелегальной работы у них не было. Уже в феврале 1941 провал и разгром группы привёл к гибели большинства её участников в застенках гестапо. Но она успела выпустить бюллетень «Резистанс», который стал символом движения.

И тут можно сделать важное отступление, связанное с книгой Жюльена Бенда «Предательство интеллигенции», где автор ставит вопрос эмоционально и беспощадно пытается раскрыть душу этого слоя населения, разорванного между народом и элитой, в чём он видит корень проблемы неверного жизненного выбора. У интеллигента тысячи причин изменить своему призванию быть ниточкой между народом и культурой, соединить мысль и чувство, но он предпочитает вечную раздвоенность сознания. Белый хлеб и тёплая постель, доступность книг и театров, желание казаться не таким как все, склонность принимать слова за дела, не выполнять обещаний, менять точку зрения, ссылаясь на свободу выбора – да мало ли возможностей уклониться от призвания и исторического долга, а долги нужно платить. Как у нас народник Пётр Лавров писал, что к вящему утешению совести интеллигенции невозможно подсчитать во что обошлась она народу. Ж. Бенда ставит вопрос ещё резче: интеллигенция не оправдывает возлагавшихся на неё надежд, она предавала и будет предавать. Она ведь ни во что не верит. Это горькое свидетельство сына века нельзя не считать основательным. Обречена ли интеллигенция предавать? Есть ли предательство – неизбежная смена убеждений в развитии? Не обречены ли слишком развитые на уход от дилеммы: герой или подонок? Или дилемма ложна? Как хотелось бы нам, чтобы она была ложной. Как мы любим, словами психологов, индугировать, прощать грехи, не будучи даже духовными предстателями любой, пусть даже самой убогой конфессии... Напомним, что в нашем представлении интеллигенция – это гуманитарная общность людей, вырабатывающая, распространяющая, защищающая, критикующая, проверяющая и применяющая вместе с другими культурные ценности. Это не сословие, хотя многие интеллигенты причастны к привилегиям. Это не страта, ибо она представлена как в разных классах, так и в разных слоях. Это не прослойка. Не масло в простеньком бутерброде детства, падающем самой вкусной частью в грязь, но хлеб и сахар в то же время. Это не номинальная совокупность больных в картотеке и не реально проявившее себя поколение такого-то года, как принято в ибероамериканской традиции.

Гуманитарная общность – это гуманитарная катастрофа. Часть интеллигенции, поддержавшая фашизм и оккупацию, тем самым исключила себя

из гуманитарной общности. Не быть гуманистом (разновидностей много, можно выработать склонность к любой или выдать себя за принадлежащего к ведущему из видов) – значит быть непричастным к главному делу интеллигенции – вопрошанию и поддержанию человечности. Не вполне понимая, что и зачем, интеллигент всё же поддерживает и вопрошает не бытие вообще («Хайль» – это тоже голос бытия, которое сказало «да» миллионами глоток воле к жизни, хотим жить, пусть и бесчеловечно). Это гуманистическое «Нет» и память о том, что всё бесчеловечное имеет к нам отношение (вспомним одиннадцатую заповедь Андре Глюксмана «всё бесчеловечное имеет отношение к тебе» и одиннадцатую заповедь Августина Блаженного «возлюби своего Господа и делай что хочешь»). Ни у кого нет монополии на человечность, но есть априори её существования, кем бы ты ни был, знай, что она возможна, в этом корневая общность гуманизма всех его разновидностей.

Грамши разделил интеллигенцию на органическую и традиционную, первую вырабатывает класс для своего господства, вторая достаётся по наследству от предыдущего периода. Это разделение существенно. Но нерв нащупал Бенда: и та и другая разорваны между элитой и народом. Повторим, что считать народом (совокупность непривилегированных) и что считать элитой (совокупность привилегированных, если кратко и сущностное), – принципиально для антифашизма: не ради спасения элиты ведётся борьба, а за другую перспективу. Если мы хотим жить без фашистов – нужно упразднить олигархическую собственность, иначе фашизм рано или поздно, пусть и через 70 лет, но вернётся.

Следует извиниться за риторику, но даже в такой форме она существенна для продвижения к основам всякого, в том числе и украинского Сопrotивления, которое уже состоялось и вызывает гордость за Донбасс.

Ещё в 1927 году в статье «Не допустить новой войны!» в те времена малоизвестный рупор нацистов «Фёлькишер беобахтер» – предтеча сегодняшнего еврофашизма – рассуждала о единой политической Европе во главе с экономически могущественной Германией. Экономически сильная Европа под эгидой олигархии из-за океана – марионеточный вариант: та же репка, но бородой вверх.

В призыве 18 июня 1940 года де Голль обращается к офицерам и солдатам, оказавшимся на британской территории (обращение прозвучало по лондонскому радио), а также к рабочим и инженерам, тоже оказавшимся на этой земле союзника, к специалистам по вооружению вступить в контакт с ним. «Что бы ни произошло, пламя французского Сопrotивления не должно погаснуть». Он уверен в решающей роли военной силы в сокрушении оккупантов. Но ему же принадлежит знаменитый афоризм, сформулированный позднее под влиянием опыта: «война слишком серьёзное дело, чтобы её можно было доверять военным». Но призыв 18 июня обращён к военнотружущим и военным специалистам, а Народный фронт был большим выбором. Фашизм не победили одни военные. Насмешка использования символики Народного фронта заговорщиками – симптоматика отсутс-

твия собственных идей. Перехватить и перевернуть – узнаётся почерк нацистской «Фелькишер беобахтер».

В своей последней книге «Во что я верю» Дюкло вернётся к теме Сопротивления как ценности левых и ценности всех французов, он выскажется о противоречивых свидетельствах Хэмингуэя и Бернаноса о событиях в Испании 30-х годов и о насилии как повивальной бабке истории, когда её ход чреват рождением или гибелью нового общества. В Испании это новое общество погибло. Страх перед народом всегда приводит элиту к измене интересам родины. Страх перед признанием неизбежности некоторых шагов народа и его лидеров в чрезвычайных условиях заставляет интеллигентов отворачиваться от народа, то есть способствует предательству интеллигенции, о котором писал Бенда. Суровая необходимость борьбы, нарушения прав и правил заставляет прятаться под моральные и юридические прикрытия неблаговидного поведения. Война есть массовое убийство людей как средство изменения поведения правительств и собственников в направлении, отвечающем интересам класса или группы классов или классовоподобных общностей. Вместо убийства людей можно поставить систематическое вооружённое насилие, суть не изменится. Католик Бернанос рисует ужасы террора левых («Большие кладбища при лунном свете»), Хэмингуэй – папа Хэм – кумир левой интеллигенции вторит ему о зверствах анархистов, правда, с большим пониманием дела («По ком звонит колокол»). Оба с точки зрения Дюкло неадекватны, но каждый на свой лад. Бернанос признаёт зверство франкистов, даёт ему католическое объяснение. Дюкло снова и снова напоминает о преимуществах союза рабочего класса со средними слоями. Если к ним причислить – очень относительно – интеллигенцию, то разговор об эффективности противодействия фашизму приобретает практическое направление: организация партизанской войны – герильи.

Это – война без сантиментов и правил, без международных обязательств и женеvских конвенций, это война на уничтожение и истощение. Вспомним смоленских крестьян, которые сжигали в 1812 году французских пленных в амбарах и на слова о неправильной войне твердили: «То у господ правила, а мы люди неучёные, правил не знаем». В оккупированном Симферополе в 1942 или 1943 на площади, где вешали партизан, сидел очень древний, почти беспомощный старик с биркой на груди «Я помню 1812 год». Это не было свидетельством возраста попошайки, это был мужественный молчаливый призыв к сопротивлению.

На других широтах «Мать и родина дороже небесного царства». Это девиз революционного Непала, свергнувшего короля и идущего светлым путём, проторенным партизанами, уступившими власть более широкой народной коалиции.

В Бразилии Карлос Маригела разработал тактику городской герильи, которая опробована в десятках стран. Его учебник партизанской войны стал хрестоматийным, изучают его и каратели. Он был так легендарен и опасен, что бразильские спецслужбы убили его прямо в аэропорту, когда он возвращался из эмиграции. Застрелили на трапе самолёта. В его книге

есть чудесное определение человека: боевая тактическая единица. Всё. Точка. А это значит имплицитно следующее: стратегические проблемы человек не может решить в одиночку, для этого существуют общности, которые идут в антифашистское движение. Это различные общности, но философия Сопротивления сходна. Правильный выбор тактики важен, но стратегическое направление изживания фашистских факторов украинской жизни ясно: подрыв могущества монополий, иначе народные республики могут повторить ошибку Парижской Коммуны, оставившей нетронутым Французский банк, который финансировал версальцев.

Олигархическая собственность и власть не изменилась после Майдана, а значит революционное преобразование всё ещё возможно. Но сейчас всё же тема единства сил, в том числе интеллигенции и народа заставляет задуматься о причинах и следствиях неудач левых на протяжении всех двадцати четырёх годов позора.

Моральный урок один: нельзя договариваться с каннибалами об условиях их дальнейшего проживания в одной отдельно взятой стране. История – мамаша суровая, она ничему не учит, времени для дебилов вообще у неё нет, зато она проучивает тех, кто не хочет учиться. Антифашистское априори неизменно в меняющемся мире. Интеллигенция сегодня экзистенциально свободна потому, что в действительности у неё нет выбора. В отсутствии выбора, знании последствий необходимых действий, в воле и решимости их предпринять и состоит сущность изначального априори негативной, сопротивленческой свободы.

26.11.2014

Атоян Арсентий Иванович
atoyanmn@bk.ru

ВИНЕГРЕТ, БЛЮДО ПРОСТОЕ: ЗАМЕТКИ ЕДОКА О ЕДОЦКОЙ НОРМЕ (ПИРАМИДА ПОТРЕБНОСТЕЙ БЕЗ МАСЛОУ)

*- А сколько в вашей армии едоков?
- В армии не едоки, а солдаты
«Армия Трясогузки»
Художественный фильм для детей*

Старый вопрос «что человеку надо?» традиционно расширяли до масштабов универсума или сужали до двух метров кладбищенской земли, замечая несоразмерность конечного телесного существа и не тождественность трупа существу не вполне корректным образом. Веселее, конечно, говорить о безграничных потребностях быстро растущего организма общественного человека или о вечности атома Сократа, доставшегося кому угодно. Но вопрос об отдельном человеке как потребителе не представляется столь же интересным, как проблема потребления общностей. Не воскрешая философию нищеты незабвенного Прудона, всё же следует обратить внимание на теоретиков пере-потребления как на тот оселок, через который протянута ниточка понимания. Пере-потребление и недопотребление – термины политэкономического и глобального анализа некоторых направлений, правда, маргинальных относительно либерально-прогрессивистских кругов, но почтенность и общепринятость – необязательные атрибуты ненаучного знания.

В дни гражданских войн, помнится со слов тех, кто застал прежний экзистенциальный опыт, а равно и из книжной традиции, понятие едока и едоцкой нормы – ключевое в потреблении трудящихся классов. Одним общностям всегда мало, другие жируют – расхожее объяснение недоразумений и прозрений социума. Различение регрессивно-трудовых едоков – иждивенцев и регрессивно-паразитарных групп населения – дело тонкое и неблагодарное. «Незаслуженное потребление» окружено ореолом респектабельности и освящено формулой «чтоб я так жил» или немецкой пословицей «как бог во Франции». Широко человек и карманы вместительны. Клептомания про запас это или прибавочный продукт впрок пошёл сразу и не отличить. Проблема потребления общностями прибавочного продукта сегодня как никогда выступает мотивом новых социальных движений, включая и наши палестины. Под лозунгами расширения потребления за счёт внутренних и внешних ресурсов прошли оранжевые и коричневые майданные мятежи 2004 и 2014 годов в Киеве. Пресловутый средний класс (новая мелкая буржуазия) подготовил проект прихода европотребления впрок как затравку для вовлечения больших масс людей в приближение желанных образов к ожидающим группам актива. Иррадиация потребительских ожиданий за грань разумной достаточности легитимизировала даль-

ние видения потребительского рая, если не для всех, то хотя бы для избранных.

Постановка проблемы об исторических границах едоцкой нормы нынешних поколений должна охладить пыл сторонников пере-потребления здесь и сейчас. Высокие стандарты затратны. Напомним, что 43 % мировой энергии потребляет одно единственное общество – американское. Это 300 млн. людей из 7 млрд. живущих. Но это лишь рамочная конструкция, не объясняющая каким образом влияет расширение стран золотого миллиарда на остальное человечество. Впрыгнуть в поезд золотого миллиарда ещё можно и не стоит оспаривать австрийских пенсионеров, вспоминающих, что при Гитлере они жили лучше, в конце концов они были моложе... Опровержению подлежит иное: право на неза заслуженную компенсацию недостойного исторического поведения. Реально предавшие должны жить хуже, но могут жить лучше. Едок и его норма исчисляется из общественных издержек труда. Количество и качество труда – категории исторические и политэкономические. Зависимый капитализм не даёт шансов для прибавки к трудовым доходам извлечений из совместной эксплуатации периферии. Эти доходы осядут у горстки «продвинутых». Как их задвинуть – проблема запаздывающего рабочего движения. Выбор Европы как модели потребления для евразийского общества проблематичен. Нормы потребления, сложившиеся исторически в Восточной Европе, заметно отличаются от тех, кто живёт рядом. Перепады столь значительны, что миграция в обратном западном направлении не стала ещё существенным фактором выравнивания. Свалиться в Европу и приобщиться к пышным пирогам (так сказать, не только с маслом, но и с сыром) – идеал потребления не новый, зато всегда привлекательный и вечно манящий. Соотношение едоцкой нормы и равенства доступа к основным благам со сверхприбылями одних и недопотреблением других представляется несущественной периферийной темой для тех, кто совсем не заинтересован в сравнении трудового вклада и пере-потребления благодаря ли прорехам законодательства или представлений правящих о достойном вознаграждении за предпринимательский риск.

Монополизм – давно пришедший на смену манчестерскому капитализму свободной конкуренции – не может быть ориентирован на тенденцию средней прибыли к уменьшению, он ориентирован на монопольно высокие цены и сверхприбыли. Он не пошевелится ради того, чтобы дойти до мелкого потребителя или даже среднего работника. Сокращение работающих и возгонка потребления тех, кто может купить излишнее для жизни, – вот установка монополистов. Больше прибыли за счёт меньшего потребления – это открытие слаборазвитости одних как условия пере-потребления других. Винегрет – символ повседневного потребления, оливье – праздничного, хотя есть слои населения, которые могут себе позволить поменять их местами. В случае веры можно есть виногрет из соображений поста. Богатые сегодня питают моду похудения, ибо жир избыточен в ряде слоёв, в том числе и по психологическим мотивам компенсации. Самоограничение – старое средство, проповедовавшееся для решения проблемы потреб-

ностей, – должно быть переосмыслено в плане борьбы за ограничение одних и подъём потребностей других. Закон возвышения потребностей не может быть истолкован как пример реального социализма: удовлетворение быстро растущих безграничных потребностей народных масс. Так сформулированная проблема не могла быть разрешена. Её уточнили на излёте реального социализма: только духовные потребности безграничны. Но безграничность ложных духовных потребностей – это потребности в дурмане, опиуме, эзотерике, оккультизме и так далее также оказалась под вопросом. Необходимость диверсификации потребностей создаёт соблазн путаницы между теми, что нужны для воспроизводства рабочей силы и тем, что нужно для восполнения технологам за усилия порождения ложных ходов наших желаний.

Природа участия мелкой буржуазии в освободительных процессах давно изучена. Правда, сейчас предпочитают говорить о среднем классе. Назовём его новой мелкой буржуазией и согласимся, что у неё есть особенности в сравнении с прежней мелкой буржуазией. Та всё же большей частью что-то производила и трудилась по законам мелкого производства, хотя и эксплуатировала наёмный труд, но и сама себя тоже. Нынешняя живёт за счёт посреднических операций и большей частью исключена из непосредственного производственного процесса. Она хочет жить за счёт перераспределения. Но именно так же хочет жить и служилая бюрократия, мелкая номенклатура, клерки и служащие государственных контор или офисов как теперь принято выражаться. Конфликт мелкой буржуазии с крупной буржуазией и олигархией совпал с конфликтом с государством.

Правительство как исполнительный комитет по делам буржуазии не справляется со своими функциями. Начинается классический кризис верхов. Вместе с обострением нужды и бедствий широких масс, которые ещё не сказали своего слова, а также с ростом их активности в поддержке чуждых населению требований вроде евроинтеграции, массы оказались в ситуации внешне напоминающими закон общенационального кризиса. Не хватает только субъективного фактора.

Отмена советской модели (а теперь правые ставят вопрос о ликвидации того, что они не успели за 24 года независимости ликвидировать) не прояснила реальной перспективы. Движение понимается как уход от модели неразвитого капитализма к модели развитого, но это ещё бабушка надвое сказала. Сил – осуществить переход самим – нет, а источников толчка только два и оба внешние. Ни Европейский союз, ни Россия, точнее её империализм, не заинтересованы в том, чтобы между ними выросла ещё одна крупная империалистическая сила – участница монопольного дележа сверхприбылей. А за простые прибыли капитал, даже украинский, работать не хочет. Стагнация – результат давления собственника на труд, нежелание поделить прибыль с обществом. Если не сверхприбыль, то лучше свёртывать, а не развёртывать производственный процесс. Развёртывание может ударить по монополистам.

Прошло ли время мелкобуржуазных движений и демократических революций? Разумеется, нет. Изменился характер этого этапа. Он бессмыс-

ленен, если не ведёт к более высокому типу общества, то есть как минимум к некапиталистическому или многоукладному, многосекторному. Если этого нет, то вызов идёт из нереволюционных источников. Символические революции, как предсказывал Бурдьё, заменили настоящие. Перед нами симулякр революционной активности. Соль и кровь, то есть кровь и соль, однако, настоящие. Платить настоящей кровью за имидж?

Варианты чрезвычайного и военного положения с соответствующими различиями сходятся в том, что называется осадным положением. Это по сути временная диктатура. Начальники боятся ответственности после её отмены, оппоненты боятся дней самого осадного положения, когда могут исчезнуть не только политически. Страхи понятны. Постоянной диктатурой могла бы быть советская власть, но народ не готов, нет условий воспроизводства, среды тех ценностей, которые питали модель господства от имени рабочего класса. Приемлемая для народа форма – переходное революционно-демократическое государство с признанием Украины страной третьего мира и отказом от стандартов западного образа жизни. Массовая миграция ослабит давление внутри, но оно будет бедственным извне. Тут без лояльности России как минимум не обойтись. Белорусская модель лучше, но неприемлемей для элиты. Без олигархии она возможна.

Главная тема для решения вопроса о мере потребностей – это разностадиальность обществ, которые находясь на разных исторических этапах образуют или желают образовать единое сообщество. Ни европейское, ни евразийское сообщества не могут состоять из однородных обществ и государств. В этом и есть искушение евроинтеграции, что автоматически снимаются этапы становления нового капиталистического социума. Все равны юридически и цивилизационно, будто это – одно и то же. Равенство мыслится в возможностях стать как они. А они на деле разные, только подогнаны по стандартам документов ЕС к неким рубашкам на вырост, которые мыслятся как грядущее единство. Одновременно Восток представляется уходом на другую дорогу. ЕвразЭС или таможенный союз как пути к единому союзному договору как ловушка отсталости и зависимости. На самом деле фальсификация документов – это та же фальсификация товаров, которой столько же лет, сколько явлению торговли. Уже Фурье знал, что тюрьму и торговлю нельзя усовершенствовать, их можно только уничтожить. Проблема: чем заменить?.. Вообще-то ваш товар не европейский, но поменяем этикеточку. Дадим сертификатик, рекламку и никто не скажет, что он не европейский, а если скажет, то документы-то у нас в порядке. То, что документы в порядке, не верьте – врут. Не могут в таком государстве документы быть в порядке – чиновники с голоду умрут, если все документы всегда в порядке будут...

Великий Отказ от западных ценностей потребительского общества как самоцели движения, переход на экологически ориентированные технологии развития, упразднение монополий в ключевых отраслях, общественный контроль за ресурсами, капиталами и чиновниками, власть на основах соуправления и самоуправления, самоорганизация населения, движение в территориальных общинах и советизация народного хозяйства – словом,

революция по всем линиям, привели бы нашу страну от «обгаляющих руки в крови» в лагерь «погибающих за великое дело любви». И тогда вместе с Китаем и Кубой, Беларусью и Сирией, Венесуэлой и Боливией, Эквадором и Анголой и несколькими другими странами мы бы оказались в пространстве ненависти и обструкции «Золотого миллиарда», предоставленные своей судьбе. Наша роль бы состояла в том, чтобы динамизировать борьбу за справедливое общество в России, а завоевание России на сторону того, что Чавес называл осью добра, вернуло бы людям нечто большее, чем простая уверенность в завтрашнем дне, вернуло бы среди прочего союзное государство как основу для иного неантагонистического типа цивилизации.

Не хотите? Тогда дорогой права, к умеренной буржуазной республике без фанфар, в зависимое состояние с торгом по вопросу о степени зависимости. Между консерваторами и либералами можно выбирать, между чумой и холерой вряд ли...

Справедливость в том, чтобы зная о чужом пироге печь собственный, пусть и не такой вкусный. А обывателю оставить рассуждения на тему, где пышнее пироги. Не с этого ли начиналась катастрофа?

И всё же выход был... Создание антиолигархического, антиимпериалистического и антимонополистического государства в интересах большей части среднего класса или мелкой буржуазии, а равно и трудящихся классов, передовая антиимпериалистическая демократия небуржуазного типа...

Однако общий ход событий снова толкает в закрытое пространство неразвёрнутого революционного процесса.

Отдельно следует говорить о холере и индивидуальной гигиене. Как не вспомнить Генриха Бёлля: не нужно паниковать из-за намалеванных свастик и разбитых школьных окон. Эта экспрессия в порядке вещей. Нужны хрестоматии, которые дадут представление. Первое условие борьбы с синдромами фашизации – просвещение. Подготовленность к встрече с фашизмом оказалась у молодого поколения хуже, чем у старших. Кто виноват? Сами старшие. Очевидное на самом деле не очевидно. Очевидно привлекательное то, что Маркузе назвал «фашистским образом жизни и смерти» - шифры другого бытия вне привычного и обыденного – влекут молодёжь. Эксплуатация героического мифа ультраправым удалась. Самоэксплуатация справедливых осталась незамеченной большинством. Слишком привлекательно. Терпеливый, не южный по темпераменту народ вышел из себя. И ему услужливо подсунили образы боевиков, полевых командиров... Вспомним первый майдан. Полевые командиры Тимошенко и Зинченко. Детский сад. Точнее пионерский лагерь и линейка. Бой-скауты, пластуны на марше... Романтика костров и речёвок. Всё было бы смешно, но командиры стали полководцами без армий, а прорабы и ефрейторы вышли в люди с палашиком под свитером. Благородные коктейли Молотова стали оружием хулиганства и мародёрства. Узурпация левых приёмов и лозунгов здорово удаётся правым.

Демократия? Оставьте оливье на праздники. Винегрет – блюдо простое – да не у каждой хозяйки предварительно квашенная капуста получается. Слезы опыта не хватает или демократические сопли зело ядовиты...?

К ВОПРОСУ О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ ИСТОРИИ: ПОСЛЕДНИЙ АКТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В современном глобализированном мире действия такого государства как Соединённые Штаты Америки в значительной мере влияют на судьбу всего человечества. Даже поверхностный анализ событий и тенденций 1990-х – 2000-х годов сквозь призму принципа *omnia mutantur, nihil interit* делает очевидным тот факт, что вопреки формальному окончанию Холодной войны, инерция и сформированные в её ходе стереотипы продолжают играть в международных отношениях весьма заметную роль. На протяжении всего периода американо-советской конфронтации фазы напряжения сменялись смягчением, и в 1970-х годах обе стороны, казалось, привыкли друг к другу, смирившись с существованием альтернативной общественно-политической системы. Ситуация резко изменилась в начале следующего десятилетия, с приходом к власти республиканской администрации Рональда Рейгана. Восьмидесятые годы XX века, на которые пришлось оба срока его президентского правления, в американской литературе характеризуются как «эпоха Рейгана»; данное время называют одним из ключевых периодов новейшей истории – как Соединённых Штатов, так и мира в целом.

Вопрос о предпосылках и движущих силах этого явления остаётся открытым не только в отечественной, но и в собственно американской науке, соответственно, требует основательного анализа. Начало 1980-х годов оказалось одним из наиболее опасных периодов во всём более чем сорокалетнем противоборстве Кремля и Белого дома. Однако, в отличие от предыдущих горячих фаз Холодной войны, в этот раз СССР не выдержал напряжения, и во второй половине десятилетия не сопротивлялся модификации ялтинско-потсдамского порядка в сторону однополярной системы международных отношений. Уникальность ситуации заключается в том, что победа в глобальной борьбе была одержана невоенными средствами: демонтаж социалистического лагеря произошёл по инициативе стороны, инспирировавшей его создание.

Вопрос о логике и наполнении отношений США и СССР не укладывается в простую линейную схему конфликта, поскольку их диалог имел множество измерений и переменных составляющих. Американо-советские отношения представляли собой своего рода индикатор общемировых тенденций; анализ явлений и знаковых событий в контексте взаимоотношений двух ключевых государств отражает имманентные им внутренние процессы во всех гранях бытия – духовной, морально-психологической, социальной, экономической, общественно-политической. Политика Вашингтона на советском направлении – это своего рода зеркало, в котором отображались общие тенденции американского общества, состояние национального ор-

ганизма. В 1970-х годах это состояние приобрело выраженные признаки соматической болезни, факторы которой имели прежде всего экзогенное происхождение: имела место психологическая фрустрация, вызванная отступлением от активной роли на мировой арене. Традиционно трудовую этику США формировала мистико-эсхатологическая идея служения американской миссии (утверждение справедливого мирового порядка), выступавшая действенным ограничителем дестабилизирующих социальных факторов. Соответственно, поражение в Индокитае и потерю контроля над рядом других регионов третьего мира можно рассматривать как причину и одновременно следствие внутривластного кризиса (Уотергейтский скандал), который опосредовал глубинные сдвиги в этико-трудовом слое массового сознания. В свою очередь результатом этого было ухудшение базовых показателей экономического развития – феномен стагфляции, рост безработицы, обострение валютной проблемы и ослабление темпов роста производства.

Всё вышеизложенное имело следствием укрепление тенденций падения жизненного уровня рядовых граждан и отодвигание Соединённых Штатов с позиций индустриального лидера западного мира. Закономерно, что в качестве единственно возможного выхода из данной ситуации политико-академическая элита видела возвращение к истокам и ориентацию во внутривластном курсе на традиционные американские ценности, что получило в литературе название консервативного поворота. На мировой арене этот поворот означал укрепление военной компоненты внешнеполитической стратегии и наступательного характера американской дипломатии как средства реализации национальных интересов.

По мере кристаллизации очерченных явлений возвращение и расширение внешней сферы влияния приобрело для американских властных кругов значение одного из важнейших средств обеспечения социальной динамики и устойчивого экономического развития управляемой ими страны. Главной преградой на этом пути оставался Советский Союз. Политика президентских представителей Демократической партии относительно него не только не приводила к ослаблению внутренних и внешних позиций Кремля, а наоборот способствовала их укреплению, что свидетельствовало об ошибочности избранной стратегии и тактики относительно этого государства в целом. По этой причине американские консервативные политические круги, обслуживаемые «фабриками мысли» и олицетворёнными интеллектуальными кругами Республиканской партии, пришли к мнению о необходимости изменения существующего направления советского вектора внешней политики. Прежде всего изменилось отношение к вопросу о единстве социалистического содружества – США взяли курс не на баланс и сдерживание, а на расчленение и разрыв союза участников СЭВ и ОВД между собой, с одной стороны, и с Кремлём – с другой. При этом в качестве повода для обструкции в двусторонних отношениях США и Союза ССР было использовано присутствие советского военного контингента в Афганистане.

Стороной, которая инспирировала эскалацию Холодной войны на рубеже 1970-х – 1980-х годов, следует рассматривать кластер американской

военно-промышленной и финансовой элит, заинтересованных в получении гарантированных заказов на производство техники и снаряжения для армии и ВМФ. Именно эти круги способствовали избранию Президентом США лидера правоконсервативных сил, республиканца Рейгана. Учитывая важность заданий, которые стояли перед новой администрацией, официальные цели относительно СССР также испытали радикальные изменения. В отличие от своих предшественников новый лидер публично декларировал своей конечной целью не симметричное противостояние и сдерживание, а ликвидацию мировой социалистической системы и трансформацию советского строя в сторону западных стандартов. На реализацию данной цели был направлен широкий комплекс мероприятий во всех возможных сферах.

Наибольшей болевой точкой советской системы был приоритет оборонного сектора экономики над потребительским, следовательно, первоочередной задачей американских стратегов было усиление гонки вооружений с одновременным прекращением диалога по сохранению мира и контролю над стратегическими силами. Наряду со свёртыванием двусторонней торговли были приложены значительные усилия по снижению мировых цен на энергоносители, что привело к сужению доходной части советского бюджета. Кроме того, проводилась политика дестабилизации ситуации в приграничных с СССР странах и оказания поддержки антикоммунистическим силам, которые вели борьбу на их территории.

При разработке курса в отношении Советского Союза американские аналитики учитывали ту большую роль, которую в жизни его общества играла идеологическая сфера. Соответственно одновременно с экономической войной и силовым давлением первоочередное значение было уделено действиям, направленным на ломку мировоззренческих и поведенческих стереотипов, что должно было привести к изменению советской социальной парадигмы и как следствие к углублению раскола между рядовыми гражданами и партийной элитой. Эта задача осуществлялась путём активизации и интенсификации деятельности подпольных СМИ (прежде всего радиостанций, к которым в середине десятилетия добавилась видеопродукция). В результате идейная дезориентация превратилась в Советском Союзе в массовое явление. По мнению разработчиков очерченного комплекса мероприятий подобная ситуация должна была привести к обострению внутривнутриполитической обстановки внутри СССР и как следствие к падению авторитета КПСС и советской власти в целом. Практика подтвердила адекватность выбранной тактики поставленным стратегическим целям. Многовекторные действия американской администрации имели кумулятивный эффект, свидетельством чего были начатые советским руководством во второй половине 1980-х годов перестройка и демократизация собственной социально-экономической, а затем и политической сферы. Согласно мнению большинства специалистов твёрдая, энергичная и последовательная политика неоконсерваторов выступила одной из главных причин, заставивших Кремль вернуться за стол переговоров. Она же дала толчок тектоническим изменениям, которые произошли в системе международных от-

ношений на рубеже 1980-х – 1990-х годов. Заявления Горбачёва и партийного руководства о преданности «новому политическому мышлению» и абстрактным «общечеловеческим ценностям» сопровождалась либеральными реформами и односторонним уменьшением стратегического потенциала, прекращением военной поддержки и экономических дотаций не только отдалённых, но и приграничных с Советским Союзом стран.

Итак, американо-советские отношения этого периода эволюционировали от ярко выраженной обструкции и конфронтации в сторону формальной солидаризации и декларируемого партнёрства. Начатый Горбачёвым капитальный ремонт социалистического общества привёл к его разложению, а не совершенствованию; вопреки тому, что внутренняя и внешняя политика Москвы проводилась полностью в русле национальных интересов США, чиновники этого государства не снимали «красную угрозу» со своей повестки дня. Для сокрытия своих реальных намерений в отношении СССР американская дипломатия использовала различные комбинации и заявления, призванные демонстрировать политику тесного согласия с Кремлём, совместного участия в решении тлеющих локальных конфликтов и защиты интересов советских граждан.

Ведущая роль в разработке и формировании курса в отношении Советского Союза принадлежала исполнительной ветви власти Соединённых Штатов, прежде всего администрации Президента и руководителям Государственного департамента, ЦРУ, Пентагона и Совета национальной безопасности. Органы же законодательной власти, представленные палатами Конгресса, на эти процессы влияли косвенно. В течение рассматриваемого периода 1981–1989 годов в Сенате и Палате представителей дискуссии по вопросу двусторонних отношений сводились в основном к утверждению американского военного бюджета (который имел тенденцию постоянного роста), окончательной «демократизации» социалистической системы и снижению влияния СССР на республики Центральной и Восточной Европы, как и страны Азии, Африки и Латинской Америки. Одобрённые в стенах Капитолия законодательные акты касательно американо-советских отношений носили характер общих рекомендаций, однако учитывались главой государства в период его второго срока – во время проведения переговоров в Женеве, Рейкьявике, Москве и Вашингтоне.

Программными документами, которые определяли общие задачи политики Соединённых Штатов относительно Союза ССР, выступали директивы национальной безопасности, разработанные президентской администрацией в первой половине 1980-х годов, в совокупности составившие доктрину Рейгана, реализованную на практике во второй половине десятилетия. Формирование тактики реализации поставленных задач происходило под влиянием оценок американской политической мыслью «советской (красной) угрозы жизненно важным интересам США». Последние имели выраженную идеологическую составляющую, требуя подавления главного центра сопротивления политическому влиянию Вашингтона, инспирированному им сценарию глобализации мира в русле «американского века» и укоренения имманентных ему стандартов демократии.

На принятие решений Р. Рейгана относительно СССР кроме мощных связей с руководителями флагманских предприятий ВПК повлияла его приверженность доктрине защиты жизненных интересов и неоглобализма, а также комплекс личных психологических черт, прежде всего поляризованность мышления. Свидетельством этого были усилия по преодолению в массовом сознании вьетнамского синдрома и использование эсхатологической терминологии в публичной риторике. Вместе с этим, личность и убеждения Президента были зеркальным отражением доминирующих в тогдашнем американском обществе настроений. В период администрации Рейгана имела место эволюция идейного климата в государстве как смещение традиционной политической символики в сторону переработки привычных и популярных среди рядовых американцев лозунгов неоконсервативного христианского толка. Именно этим была опосредована радикализация курса по преодолению «советской угрозы» и бескомпромиссность в борьбе против Кремля; как следствие в начале 1980-х годов Холодная война и биполярное равновесие сил в мире перестали восприниматься как естественное состояние вещей. Победа США в этом конфликте была обеспечена единством ценностных ориентаций индивидов и элиты, которая удачно использовала лозунги «крестового похода» и позиционировала Советский Союз как империю зла. Этот негативный образ СССР оказался важным инструментом конструирования американской социальной реальности, поскольку на основании систематических посылок средствами масс-медиа распространялись иллюзорные представления о политической действительности. На основании этих представлений формировалась и укреплялась специфическая гегемонистская идентичность, к концу века окончательно кристаллизовавшаяся в качестве фундамента внешней политики. В 1991 году Союз ССР перестал существовать, однако сформированный негативный имидж был распространён на его правопреемницу – Российскую Федерацию; учитывая специфику американских политических традиций с их неизбежными стратегическими и геополитическими императивами, базирующимися на принципе континуитета (непрерывности) и преемственности, нет оснований считать, что восприятие России как inferнального (иррационального) зла исчезло и отношение к ней обрело толерантность.

СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ, ИЛИ ЛЕРМОНТОВ – НАШЕ ВСЁ. К ДВУХСОТЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

*Нет, не за то тебя я полюбил,
Что ты поэт и полновластный гений,
Но за тоску, за этот страстный пыл
Ни с кем неразделяемых мучений,
За то, что ты нечеловеком был.*

К.Бальмонт. К Лермонтову

Жанр юбилейных речей по-особому выскателен и вместе с тем необходимо легковесен в силу внутренней антиномичной логики торжественного сокрытия истины ради жизнеутверждающих штампов. Последние с искренней готовностью дворового пса подсказывают как, а главное что говорить в сложившихся обстоятельствах, сохраняя лицо и наслаждаясь лёгкостью безответственного высказывания.

Прекрасно отдавая себе отчёт в этом и пытаясь освободиться от уютных оков услужливых ритуальных поклонов, предлагаем заявленную посредством провокационного и фривольного названия игру на обострение. Очевидно, что каждый даже поверхностно образованный человек, прочитав вынесенное в заглавие словосочетание, недоуменно воскликнет: ну что вы! это же явно шутка какая-то, или ошибка, или глупость! Кто-то из самых духовных, ищущих спасительную истину в профанном приобщении к мудрости, возмутится: уж слишком увлеклись! Ненадолго задумается и со страдающим от несварения прочитанных философских текстов сознанием изречёт: и явно свойства явлений в данном случае приписаны им внешним образом, а не вытекают из их сущности.

На первый поверхностный взгляд предложенная тональность суждений – не что иное, как увлекательная языковая забава с метафизической пустотой означающих, а выбранные формулировки – всего лишь мелкое филологическое хулиганство, за которым скрывается бравада и неизбывное подростковое выяснение кто лучше, кто важнее. Что может сравниться по степени банальности и пустоты с гимназическим стремлением спорить о первенстве Лермонтова перед Пушкиным, тем более прогрессивные представители данного сословия уже на похоронах Некрасова знали, что именно виновник собрания оказывается выше этих жалких байронистов?

Оставьте ненужные разговоры, сама судьба и высший бюрократический разум всё расставили по своим местам. Выгляните в окно и соотнесите размах и дух торжественных мероприятий с возвышенным символизмом сохранивших морфологическое подобие того тона, что пронизывает всё отношение к двум поэтам. А если вспомнить всхлипы Мартынова – в собственных глазах бывшего поэтом не меньше Лермонтова – и трогательное сопе-

реживание его душевным мучениям, то можно искренне поблагодарить советскую власть и творимый ею литературно-антропологический миф за второго равновеликого классика, вызванного безусловным авторитетом Белинского из демонического небытия при помощи революционных заклинаний.

Бесспорным контрастом к официальному компромиссу по поводу иерархий и судеб выступает опыт личного переживания и сложная субъективная метафизика чтения. Среди многочисленных примеров признаний вспомним одну историю о том, как маленькая, увлечённая и наивная «девочка» слушала лучшее из русской литературы в исполнении Герцена и искренне восхищалась «новой вселенной». С необычной силой в душе экзальтированной дамы отпечатались печальная красота строк Лермонтова: часы, когда «этот выдающийся человек открывал мне неведомый мир своей огромной, далёкой, окутанной туманами родины, были настоящими оазисами в скудном однообразии моей жизни» (Мальвида Мейнзбург, «Воспоминания идеалистки»). Данные искренние слова интересны прежде всего в качестве выражения того особого мироощущения, наиболее точно обозначаемого как роман с автором.

Лермонтов – первый и главный литературный соблазн, природа последнего не нуждается в объяснении так же, как и успех среди барышень заезжего героически-прекрасного гусара на фоне штатских провинциальных землевладельцев, самодовольно рассуждающих о скучных и тривиальных вещах. Непередаваемое очарование и сила грустных строк как-то по-особенному любовно восхищает и заставляет мыслить литературные переживания посредством обращения к эротическим метафорам. В зависимости от переменных декораций времени и места вполне возможными представляются сходный всплеск чувств и эйфория напряжённости интимных отношений с текстом и его создателем в связи со встречей с другими поэтами. Имена Блока и Есенина сразу же возникают в голове при такой постановке вопроса; но лермонтовский роман всегда останется самым сильным переживанием, поглощающим растущее человеческое Я, стирающим его ради утверждения тождества с блистательно-прекрасной судьбой самого близкого и родного из поэтов. На фоне этого трепетного переживания единения и любования пушкинский официальный брак с традицией выглядит несколько натужно.

Однако если остановиться и взглянуть в живую онтологию образов, скрытых за привычными тенями пещеры человеческого мышления, то перед удивленным читателем откроется чрезвычайно важный мотив российской литературы и культуры. И дело здесь не только в том, что мифологическое сознание публики требует повторений и жаждет второй серии с новым старым гением на авансцене, а в особой лермонтовско-пушкинской дилемме, данной в качестве вызова подлинности.

В силу объективных причин сравнение Лермонтова и Пушкина обретает парадигмальный, формообразующий характер для становления критического самосознания русской литературной традиции и создаёт необходимую

линию экзистенциальной напряженности мысли, что позволяет заглянуть в самое само поэтической тавромахии.

Как правило, эта дуалия вульгарно разрешается через редукцию к пошлой преемственности: сражённый пулей Дантеса поэт выронил факел гениальных рифм, мальчик подхватил и продолжил, словно в безумной эстафете, бег по бескрайней заснеженной равнине. Более утончённой альтернативой поверхностного размыкания выступает противопоставление тьмы свету, бездны противоречий гармонии небес, демонических страстей ангельской молитве. Наиболее завершённую форму рассматриваемая антитеза обрела в софийных медитациях Владимира Соловьёва, вне многословных рассуждений и претензий схватить мировой дух за пятки с невыносимой познавательной лёгкостью сводимых к сентенции: «Пушкин – хороший поэт, Лермонтов – плохой». Эпистемологические основания данной редукции пребывают в заумном месте пустых абстракций и мистических созерцаний, внутрь которых проваливаешься вслед за автором, словно Алиса в кроличью нору. Видения, присыпанные теософскими песками египетской пустыни, фиксируют разнообразные точки расхождения в жизни и творчестве двух гениев; в итоге сложные философские построения растворяются в негации личности Лермонтова посредством репрезентации его в качестве анти-Пушкина.

Несравнимо предпочтительней и изысканней представляется попытка отказаться от простых решений, замкнутых в узких границах антиномий/противоречий, и прочитывать сложную диалектику культурного становления в живых образах дополнения/раскрытия. Сложно судить, насколько в принципе невозможно литературное бытие вне сада расходящихся тропок, бесконечных коридоров убегающих смыслов, однако нескончаемая анфилада зеркал Вавилонской библиотеки вечно будет отражать лицо не того, кто в них смотрится, а другого. Обрекая ищущих на вечное возвращение, лабиринты значений множатся в чужих текстах и по-новому открываются: непрочитанный Достоевский обнаруживается Сартром и Камю после катастроф XX столетия, а безумный Пьер Менар вечно пересоздаёт мир Сервантеса.

Универсальный механизм семиотического большого взрыва, предполагающий растождествление замкнутой монологичности, усиливается парадоксальным лермонтовско-пушкинским напряжением лука и лиры, особым диалектическим логосом, показывающим, что путь вверх и вниз – один и тот же. Возвращающаяся сама к себе гармония борьбы двух российских пророков оказывается вариацией на тему антиномического согласия аполлонического и дионисийского начал в культуре.

«Пушкин – дневное, Лермонтов – ночное светило русской поэзии», – записывает чеканный афоризм Дмитрий Мережковский, претендующий как все медитации серебряного века на решение последних вопросов до обращения к предпоследним. В этом контрапункте и начинается трудное приближение к мифотеме судьбы и творчества главного русского поэта, сложная архитектура которой разворачивается преимущественно в астральной перспективе смыслов и образов.

*Чисто вечернее небо,
Ясны далёкие звёзды,
Ясны как счастье ребёнка.*

Даже не небо, а именно небеса в звёздной глубине трансцендентного переживания и созерцания чистых форм и вечных эйдосов оказываются вызовом, созидающим пространство сверхчеловеческого бытия. Укоренённое в абсолютной тоске о том, что «звёзды и небо – это звёзды и небо», а мы обречены всего лишь оставаться людьми, данное трепетное переживание является главным лейтмотивом поэтики Лермонтова.

Итак, обращение к образу «ночного светила» словно по волшебству расставляет всё на свои места и сводит воедино истоки и грани единой творческой стихии. Если Лермонтов и солнце русской поэзии, то исключительно чёрное как у Мандельштама со всей полагающейся в придачу метафизикой тьмы, расцвеченной траекториями демонического полета. Такая бездна околдовывает и заставляет искать отсутствующую чёрную кошку, что на поверку оказывается той самой тяжёлой плотской музой, которую и поймал с перепуга Владимир Соловьёв, в непроглядном мраке приняв её за «лягушку, прочно засевшую в тине». Однако тихий детский голосок шепчет заигравшемуся профессору батрахологии, что лягушка в его руках и в голове, как и кантовские талеры – не одно и то же, а настоящее «ночное светило» – это луна, и она гораздо важнее, чем любое солнце, ведь светит в ночной мгле, когда другие бессильны.

Это прекрасное решение кажется наиболее приемлемым, но тут мы вступаем на зыбкую почву неоднозначности метафор и попадаем в ловушку, расставленную извечной мукой поиска языка, отвечающего насмешливой онтологии вечного становления. Убегающая реальность не просто любит скрываться, а стремится обмануть наступающее её слово, исказив его значение, обманув желания познающего искривлением смыслового пространства. Так даруемый словно нить Ариадны смыслообраз «луны» приводит прямо в лапы Минотавра, встречающего путника лукавым подмигиванием у надписи «выход там»: Селена знает только отражённый свет и живёт подобием *Solis Invicti*, именно поэтому настаиваем на солнце.

Обращение к семантическим пределам астрономических метафор и пристальный взгляд в звёздное небо русской поэзии показывает, что солярный статус Пушкина впервые упоминается исключительно в сумеречном контексте, в тонах трагедии и констатации дальнейшей невозможности жить в оторванности от истинного источника бытия русской литературы. Впоследствии солнечность Пушкина определяется не столько его центральной космостроительной и организующей функцией, задающей движение планет, сколько особым внутренним теплом и классической гармоничностью.

За этим пушкинским закатом и фактическим отсутствием собственной системы скрывается лермонтовское солнце в совершенной чистоте платонического восторга и трепета перед тем, что самое прекрасное и достойное. Многообразие предметов существует помимо Солнца, но только благодаря

ему как причине зрения они становятся видимыми, оно распоряжается миром, его сияние выводит из мрака пещеры.

Почему Лермонтов? Наверное, в сложившихся обстоятельствах именно он остаётся самым актуальным поэтом, сохраняющим в себе подвиг опрокидывания мира ради вечной гармонии. Предложенный им особый род бытия даёт нам пример особой жизненной стратегии искреннего мужества обнажённого сердца, доведённого до того предела, что от «прикосновения огненного пера корёжилась и горела синим пламенем бумага» (Шарль Бодлер). Сохраняя в себе главный вызов нашей обыденности, требуя преодоления всей ограниченности жалкого существования здесь и сейчас вне трансцендентной тоски, жанр «лермонтовизма» показывает единственный путь наверх.

Банальный заученный еще со школьной скамьи байронический образ протеста против убогости и низости той среды исправляется и усложняется через важное уточнение: не той, а любой среды. Поэзия экзистенции, вырывающаяся из мира фальши, содержит в себе категорический императив защиты истины человеческого, раз уж на нечеловеческое в высшем смысле мы оказались неспособны.

Есть такая странная привычка измерять все в пушкиных, наверное, это выражение некой претензии на эталонность *мэтра* в качестве метра; так вот, следуя данной изошрённой логике, Лермонтов – это лучший необходимый пушкин, то должное воплощение чаемого гения-демиурга, эйдос и энтелехия русской литературы во всей её чистоте и реалистически понятой универсалии Поэт.

Подводя итоги, признаем: наверное всё-таки погорячился докладчик с названием, поддался скромному обаянию провокации и культу стиля. Начав увлеченно соединять собственные возвышенно интеллектуальные состояния со значениями, воплотившимися в красивые слова, захотел в тексте интриги для публики и риска в образах для себя. Пришло время завершения, и все выбранные средства изложения, призванные углубить и оживить наши знания об архе русской литературы, исчерпаны. Действительно, о каком солнце может идти речь, когда мы обращаемся к теме судьбы и творчества Лермонтова, если перед нами раскрыто настоящее звёздное небо поэзии, бесконечно прекрасная и совершенная константа истинно человеческого бытия.

28.01.2015

Даренский Виталий Юрьевич
darenskiy1972@mail.ru

ВОЙНА КАК ДУХОВНАЯ ИНИЦИАЦИЯ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АРХЕТИПЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*Мы писали о жизни... о жизни,
Не делимой на мир и войну.*

А. Межиров

*Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые...*

В. Высоцкий

В событиях, ставящих целый народ на грань жизни и смерти, проявляются самые лучшие, заветные его нравственные черты, которые нужно помнить и хранить навсегда. Поэзия о Великой Отечественной войне, помимо своего особого значения в истории русской литературы, остаётся неиссякаемым хранилищем исторической памяти и духовного опыта народа, которые никому не удастся разрушить: *«Наши павшие – как часовые»*.

Поэзия о Войне – это совершенно особый род поэзии не только по «тематике», но и по своему внутреннему строению, по тому человеческому состоянию, которое она передаёт. Не стоит забывать, что светская поэзия, собственно, и родилась из войны, точнее из памяти о войне. Самая ранняя поэзия всех великих народов – это эпос о войне. Более ранним видом поэзии являются религиозные гимны, но мы говорим о поэзии именно светской.

Однако для современной цивилизации опыт войны и в частности опыт военной поэзии приобрел специфическое значение. В период Первой мировой войны, которая называлась Второй Отечественной, многие русские философы размышляли о смысле войны. Особенно интересны высказывания Н.А. Бердяева. Он писал: «Война не создала зла, она *лишь выявила зло*. Всё современное человечество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни, и лож этого буржуазного мира, который многим казался вечным, должна была быть разоблачена. Истребление человеческой жизни, совершаемое в мирной буржуазной жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне». То есть война есть радикальный *суд над жизнью*, обличающая её самые глубокие пороки, обычно старательно замаскированные в мирной жизни. При этом в мирной жизни губится не меньше человеческих судеб и жизней, но лишь под лицемерным покровом «нормы» и привычки.

Еще Н.А. Бердяев писал: «В Евангелии сказано, что нужно больше бояться убивающих душу, чем убивающих тело. Физическая смерть менее страшна, чем смерть духовная. А до войны, в мирной жизни убивались души человеческие, угашался дух человеческий, и так привычно это было,

что перестали даже замечать ужас этого убийства. *На войне разрушают физическую оболочку человека, ядро же человека, душа его может остаться не только не разрушенной, но может даже возродиться.* Очень характерно, что более всех боятся войны и убийства на войне – позитивисты, для которых самое главное, чтобы человеку жилось хорошо на земле, и для которых жизнь исчерпывается эмпирической данностью. Тех, кто верит в бесконечную духовную жизнь и в ценности, превышающие все земные блага, ужасы войны и физическая смерть не так страшат» [Выделено мной. – Авт.]. В выделенных нами словах содержится именно тот важнейший смысл войны, который делает её духовным испытанием народа и который, несмотря на огромные жертвы и бесчисленные трагедии, делает народ сильнее, чем он был ранее, именно в нравственном, духовном отношении. Война дает тот опыт Родины, который создает народ как единое целое, и ту священную память о героях и жертвах, которая делает и все последующие поколения готовыми к подвигам и жертвам ради защиты своих святынь.

Поэты Войны очень хорошо осознавали, что законы жизни едины, а война лишь выявляет их наиболее острым, ясным и трагическим образом. Об этом со всей определённой сказано, например, в строках А. Межирова: *«О войне ни единого слова / Не сказал, потому что она – / Тот же мир, и едина основа / И природа явлений одна».*

Далее мы кратко выделим три важнейшие, как нам представляется, смысловых, мировоззренческих «узла» поэзии о Великой Отечественной войне, определяющих её непреходящее духовное значение. Это попытка в рациональных категориях очертить специфику того опыта, который всегда остаётся насущным для людей любой эпохи. Эти «узлы» носят характер особых *экзистенциальных архетипов*, то есть являются универсальными общечеловеческими смыслами, скрытыми за эмпирическими явлениями культуры, в том числе и в поэтических текстах. Поэтому они требуют специальной «расшифровки». Из огромного массива поэтических текстов о войне мы выделяем такие, в которых эти архетипы наиболее явственны; а принцип отбора состоит также и в том, чтобы эти тексты имели высокий художественный уровень и принадлежали достаточно известным авторам.

Архетип-1: Прохождение через символическую смерть

Во всех человеческих культурах Война является одним из символов инициации, то есть символического прохождения через смерть, испытания смертью, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать её как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Погибшие на войне – те, для кого смерть стала не символической, а реальной, после инициации воспринимаются как бессмертные – то есть *утвердившие свое бытие в вечности* и покинувшие этот мир. В лирической поэзии появился и особый прием самоотожествления автора с погибшим, высказывание от его имени. В русской поэзии о Великой войне самым ярким примером этого является знаменитое «Я убит подо Ржевом...» Твардовского:

Самоотождествление автора с погибшим парадоксально: погибший полностью за пределами этого мира, но боль его не покидает: «Наш ли Ржев наконец?»... А главное, зачем живому поэтически ставить себя на место мёртвого? Чтобы пережить величие и бренность земной жизни в их особом парадоксальном единстве – и чтобы побороть в себе страх смерти. Вот это переживание и преодоление страха и есть результат духовной инициации.

Похождение через смерть поэты описывали и более буквально, даже передавая сам этот миг: например, Сергей Орлов («Мой лейтенант»): *«Страшно ли? А как же, очень просто: / С рёвом треснет черная броня, / И в глаза поток упрётся жёсткий / Белого кипящего огня».*

Это написано на личном опыте: когда немецкий термитный снаряд прожёт толстую броню тяжёлого танка КВ. У С. Орлова, как мало ещё у кого, прохождение через смерть показано как рутинная, будничная работа, особенно в стихотворении, которое начинается строками: *«Поутру, по огненному знаку, / Пять машин КВ ушло в атаку...».*

Символическое прохождение через смерть, духовная инициация делает человека другим, радикально трансформирует его личность. Но сам этот переход, даже если человек и остаётся жив, естественно, страшен, мучителен и в физическом, и в душевном смысле. Только в этих муках и этом страхе (*«Кто говорит, что на войне не страшно / Тот ничего не знает о войне»* – Ю. Друнина), на пределе человеческих возможностей, которые оказываются намного большими, чем в мирной жизни, – преображается человеческая душа. Самим человеком это ощущается как погружение во тьму, в объятия смерти, из которых он восстаёт только чудом. Но именно в этой тьме и отчаянии смерти, царящей вокруг, в человеке вдруг рождается невероятная внутренняя сила – *но сила, не делимая с чувством правды*. Вот как это показано в пронзительных и мощных по духу стихах Николая Старшинова:

*Они засели на высотах.
И ночью сумрачной и днём,
Нас давят громом пулеметов,
И заливают нас огнём...*

*А мы лежим в проклятой пади,
Глотая стелющийся дым:
И ни одной продрогшей пяди
Не отдадим, не отдадим!*

Война открывает важный парадокс и жизненный символ: *проходящие через смерть становятся духовно неуязвимы для неё*. Конечно, многие погибли там, но те, кто выживет – воочию увидели, что и сама смерть не всесильна. Э. Юнгер писал о состоянии «метафизической неуязвимости» человека на войне, когда смерть рассматривается лишь как нечто, что «принимается в расчёт», но не более того – человек начинает воспринимать себя уже как бы по ту сторону смерти: «Когда борьба идет на духов-

ном плане, смерть принимают в расчет как один из элементов стратегии. Человек становится неуязвимым: мысль о том, что враг может уничтожить его физически, пугает меньше всего... Временами кажется, что он отступает перед близостью смерти, но в этом он похож на полководца, который не спешит подавать сигнал к наступлению и терпеливо ждёт своего часа».

В прохождении через смерть важнейшим событием всегда является индивидуальный подвиг, индивидуальная моральная победа над смертью. Вот как об этом пишет О.Берггольц, грозная муза блокадного Ленинграда:

*Когда прижимались солдаты, как тени,
к земле и уже не могли оторваться, –
всегда находился в такое мгновенье
один безымянный, Сумевший Подняться.*

*Правдива грядущая гордая повесть:
она подтвердит, не прикрасив нисколько, –
один поднимался, но был он – как совесть.
И всех за такими с земли поднимало.*

Поднявшийся – это победивший страх смерти, уже прошедший через Смерть, даже если он и будет сражён пулей уже в следующее мгновение. Так, например, произошло со знаменитым Комбатом – навсегда оставшимся на фотографии поднимающимся в атаку бойцов – это было под селом Хорошим в тридцати километрах от Луганска, и там сейчас стоит большой памятник ему на шоссе на Лисичанск. Комбат по фамилии Ерёмченко погиб уже всего через несколько секунд после того, как корреспондент, находившийся на самой передовой линии, под пулями, сделал этот снимок, ставший одним из самых известных и символических фотоснимков Войны.

Очень интересна в этом отношении советская народная песня «На поле танки грохотали...», в которой поётся о гибели танкового экипажа, но поётся на мотив свадебной песни! Более того, в ней есть и откровенно раблезианские элементы: песня о гибели заканчивается веселой двусмысленной строкой: «И дорогая не узнает / Какой у парня был конец» – которая крайне трагична, указывая на факт гибели, и одновременно шутлива и весела именно в раблезианском смысле – как весёлость победы над смертью.

*По танку вдарил болванка,
Прощай, родимый экипаж!
Четыре трупа возле танка
Дополняют утренний пейзаж.*

Две последние строки могут показаться цинизмом, но это... веселье.

Такой стала русская народная песня в XX веке – лихо рифмующая французские слова «экипаж» и «пейзаж» и бесстрашно смеющаяся в лицо грозной и неотступной смерти. Интересно также, что эта песня была сложена на мотив известной донбасской песни о гибели «молодого коногона»

(здесь его заменили на «молодого командира»), которая существовала в 1920-1930-х годах и которую у нас ещё немного помнят до сих пор. Тот первичный вариант шахтёрской песни был однозначно печальным и трагичным. А новый военный вариант вдруг сделал мотив энергичным и весёлым. Вообще, мотив «венчания со смертью» и символическая аналогия между свадьбой и похоронами – это, как известно, очень архаический пласт культуры, самый глубокий архетипический сюжет. И вдруг война XX века снова оживила его – и прямо вынесла в поэтику народной песни.

Самоотождествление автора с погибшим часто приобретает и глубоко лирический, почти мистический смысл и звучание. *Общность Смерти человеческой, способность пережить чужую смерть как свою – это глубочайший уровень поэтического и нравственного постижения мира* (они здесь нераздельны). Таково стихотворение А. Твардовского «Две строчки»:

*Из записной потёртой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду...*

*Среди большой войны жестокой,
С чего – ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мёртвый, одинокий,*

*Как будто это я лежу,
Примёрзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забывший, маленький, лежу.*

(1943).

Отнюдь не случайно здесь это символическое сочетание «мертвый – одинокий». Тема *экзистенциального одиночества человека* – как известно, ключевая для всей литературы XX века, но обычно она считается сугубо интеллектуальным феноменом, следствием сытой, но бессмысленной жизни в «развитом обществе». Однако, возможно, глубже всего она захватывает нас именно в стихах о войне. Страшное экзистенциальное одиночество убитого у О. Берггольц переживается как вселенская, космическая трагедия:

*...Как одинок убитый человек
на поле боя, стихшем и морозном.
Кто б ни пришёл к нему, кто ни придёт,
ему теперь всё будет поздно, поздно.*

*Ещё мгновенье, может быть, назад
он ждал родных, в такое чудо веря...
Теперь лежит – всеобщий сын и брат,
пока что не опознанный солдат,
пока одной лишь Родины потеря...*

*Он отдан Родине сейчас,
она одна сегодня с ним пребудет.
Единственная мать, сестра, вдова,
единственные заявив права...*

Но особый «космизм» самой Смерти здесь становится парадоксальным утверждением особого величия человека, его равномошности миру и его неподвластности смерти, которая забирает лишь тело, освобождая душу: «Мёртвый, мёртвый... Он лежит и слышит / всё, что недоступно нам, живым: / слышит – ветер облако колышет, / высоко идущее над ним...».

Этот особый космизм смерти, преодолевающий земной трагизм и перedaющий катарсис души, находим в известном стихотворении С. Орлова:

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.*

*Ему как мавзoley земля –
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.*

Для воинов Великой Отечественной, которых хотя и успели крестить в детстве, но всю остальную жизнь укореняли в безбожии – для них уже не могло быть такого мистериального и умиротворенного восприятия смерти, которое даёт христианская вера: смерть для них предстала в своем обнажённом бессмысленном лике – и именно в этом самом трудном состоянии они умели победить страх перед ней. Но именно поэтому их опыт бесконечно ценен для всех людей, независимо от мировоззрения.

Архетип-2: Вхождение в сакральную общность людей Родины

Прохождение через смерть меняет человека не только самого по себе, но меняет и всю общность людей, именуемую народом. Культуролог Виктор Тернер назвал общность людей, проходящий инициацию (символическую смерть) *коммуникас* (communitas): этот термин обозначает «качество полного непосредственного общения, даже единства вероисповедания, между людьми определенной установленной идентичности, которое возникает спонтанно во всех типах групп, ситуаций и обстоятельств... Чувство единства (sharing) и интимности, которое развивается в группе лиц, совместно испытывающих лиминальность». («Лиминальность» – это особое «пограничное» состояние между жизнью и смертью).

Проходя через смерть в страшной Войне, аморфный ранее народ, не единый по своим качествам и убеждениям, осуществляет вхождение в сакральную общность людей Родины. (Отказавшиеся войти в эту общность становятся Предателями в сакральном смысле этого слова, делающим не-

возможным никакое прощение и забвение в принципе – таковы, например, гитлеровские пособники всех мастей и народностей, из которых ныне пытаются делать «героев»). Сакральная общность людей Родины создается общей бедой и горем, а формируется на века – общей Победой.

Экзистенциально это выражается в том особом опыте, который так скромно, но незабываемо передан в простых строчках С. Орлова: *«Только что в сравнении с Россией / Жизнь моя? Она бы лишь была...»*

С другой стороны, война и гибель сочетает в единую священную общность Родины всех за неё погибших, независимо от их личных качеств. Вот как об этом говорит А. Ахматова: *«Ни плохих, ни хороших, ни средних. / Все они по своим местам, / Где ни первых нет, ни последних... / Все они опочили там»*. А. Ахматова пишет о своем мистическом видении – единства живых и мёртвых в единых рядах страдальцев Ленинграда:

*Рядами стройными проходят ленинградцы,
Живые с мёртвыми. Для Бога мёртвых нет.*

Священная общность Родины объединена единой скорбью о погибших. О такой скорби пишет О. Берггольц:

*Пусть она, чистойшая, святая,
душу нечествеющей хранит.
Пусть, любовь и мужество питая,
навсегда с народом породнит.*

*Незабвенной спаянное кровью,
лишь оно – народное родство –
обещает в будущем любому
обновление и торжество.*

Последнее четверостишие – это очень мощная поэтическая формула, выражающая неизменный исторический и нравственный закон: Родина созидается как «народное родство, спаянное кровью» – но оно, в свою очередь, становится неиссякаемым источником сил для совершенствования и преобразования человека как личности, его «обновления и торжества».

Причастность к священной общности Родины преображает человека, вдруг выявляет в нём самые высшие человеческие начала, которые, может быть, до этого лишь «спали». К. Симонов в стихотворении «Дом в Вязьме» очень ёмко передает этот переворот в человеческой душе: *«В ту ночь, готовясь умирать, / Навек забыли мы, как лгать, / Как изменять, как быть скупым, / Как над добром дрожать своим. / Хлеб пополам, кров пополам – / Так жизнь в ту ночь открылась нам...»*.

Причастность к священной общности Родины складывается из миллионов сверхсильных связей любящих друг друга душ. Именно этот тайный закон силы народа и красоты созидающих эту силу и этот народ людей открыл К. Симонов в своем знаменитом стихотворении «Жди меня, и я

вернусь»: *«Не понять, не ждавшим им, / Как среди огня / Ожиданием своим / Ты спасла меня. / Как я выжил, будем знать / Только мы с тобой, – / Просто ты умела ждать, / Как никто другой».*

Но такая же неразрывная связь душ сохраняется и с павшими. Об этом в стихотворении Твардовского «В тот день, когда окончилась война...» есть, безусловно, гениальные строки, пушкинского уровня:

*Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.*

*И, чуя там, сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить – безмолвны...*

Это поэтическая формула вечности Родины.

Архетип-3: Трагическая вина и её искупление

В одном из своих самых поздних, исповедальных стихотворений, Твардовский написал: *«Я знаю, никакой моей вины / В том, что другие не пришли с войны, / В том, что они – кто старше, кто моложе / Остались там, и не о том же речь, / Что я их мог, но не сумел сберечь, – / Речь не о том, но всё же, всё же, всё же же...»* (1966).

Здесь засвидетельствовано очень глубокое и тонкое переживание того, что обычно называется «трагической виной», а также отчасти выражается в народной поговорке «без вины виноватый». В чем её суть? Эта трагическая вина следует из самой священной общности людей – если гибнет кто-то, то другой ощущает это как свою вину, хотя в логическом отношении это бессмысленно. Однако вследствие такого якобы «иррационального» чувства дальнейшая жизнь выживших наполняется новым нравственным смыслом – жить так, чтобы сделать за других то, что они не успели. Это *жизненное искупление трагической вины*. Таков третий главный архетип поэзии о Войне, который определяет её воздействие на последующие поколения.

В частности, у О. Берггольц он выразился как *опыт непостижимости жизни как трагической Тайны, повергающей человека в немоту*. В стихотворении 1946 года она понимает, что уже обречена на немоту:

*Я никогда не напишу такого.
В той потрясённой, вещей немоте
ко мне тогда само являлось слово
в нагой и неподкупной чистоте.*

Но еще ранее в «Стихах о себе» (1945) она уже знала, что и такой опыт также, будучи глубоко пережитым, рождает особый *катарсис* души:

*И всё неукротимей год от года,
к неистовству зенита своего
растет свобода сердца моего –
единственная на земле свобода.*

Как это ни странно на первый взгляд, но именно Пушкинская «тайная свобода» и сила «самостоянья» – это главный нравственный дар опыта Войны, который постигли и оставили нам поэты Великой Отечественной.

Мало кто из поэтов той эпохи ощущал в себе некое особое высшее призвание хранителя народной памяти – такова истинно русская скромность. Но ведь нужно же было кому-то сказать и об этой миссии. Это сделано в стихотворении Виктора Кочеткова «Весть»: *«Грядущему весть я несущу из былого / О тех, кто не может прийти. / Мне надо сказать их заветное слово, / Чтoб право на смерть обрести».*

Поэт не имеет права умереть, не оставив о них слово вечной памяти.

Наконец, есть случай «катарсиса без катарсиса», когда потеря безвозвратна и невосполнима ничем, а сама война – неизбывная рана. Она даёт такой опыт безысходной тщеты земного бытия, который сам по себе есть огромное духовное прозрение, недоступное «естественному» человеку, живущему радостями и тревогами мира сего, но открывается только перед лицом Вечности. Об этом у Евгения Винокурова в столь известном своим особым трагизмом стихотворении «Москвичи» (1953): *«В полях за Вислой сонной / Лежат в земле сырой / Серёжка с Малой Бронной / И Витька с Моховой. / А где-то в людном мире / Который год подряд / Одни в пустой квартире / Их матери не спят...».*

Поэтам великой Войны оказалась ближе иная поэтика, ритмически «консервативная», умещающаяся – целиком – в классические, никакими ветрами и бурями не поколебленные размеры... Поэтика, передающая напряжение и бег времени, его сверхчеловеческие перегрузки – не через взрыв поэтической формы, её раскованность, освобождение от «узды» метра, а напротив через обуздание вихря, поэтическое единоборство с ним, через введение стихий в классически строгие берега поэтической дисциплины, победу гармонии над дисгармонией». *Поэтому перед предельностью опыта Войны новомодные «авангардные» изыски формы осыпались, как трухлявая шелуха, и обнаружилась неизменная и непреодолимая мощь классической поэтической формы – единственной, способной выдерживать и воплощать такие экзистенциальные и смысловые перегрузки.*

Исследование русской военной поэзии позволяет постигнуть особый смысловой пласт русской культуры, чрезвычайно важный для повышения жизнеспособности народа. В 2004 году вышла книга одного из знаковых авторов для современной русской философии А.Г. Дугина «Философия войны». В ней была сформулирована парадигма осмысления войны в рамках живой традиции русской православной философии. Вот как

А.Г. Дугину удается в одной яркой формулировке объединить этические, мистические, экзистенциальные, культурологические и эсхатологические смыслы Войны:

«Отказ от войны, бегство от войны, неготовность к войне свидетельствуют о глубоком вырождении нации, о потере ею сплоченности и жизненной, упругой силы. *Тот, кто не готов сражаться и умирать, не может по-настоящему жить.* Это уже призрак, полусущество, случайная тень, несомая к развеиванию в пыли небытия. Поэтому везде, даже в самой мирной из цивилизаций – в христианской цивилизации, никогда не прекращался культ войны и культ воина, защитника и хранителя, стража тонкой формы, которая и давала нации смысл и содержание. Не случайно так почитаем православными Святой Георгий, воин за Веру, заступник за православный люд, спаситель ещё земного, но уже православного (т. е. уже ставшего на небесные пути) царства».

Война выявляет не только зло, накопившееся в мирной жизни, но и самый глубокий внутренний закон самой жизни. Суть этого закона состоит в том, что жизнь человека, народа и вообще любой общности людей (например, семьи) продолжается до тех пор, пока ради этой жизни люди способны на добровольный подвиг и жертву; а если такая способность иссякает, и каждый начинает думать только лишь о своём эгоистическом интересе, то жизнь деградирует и прерывается. И в войне, и в мирной жизни побеждает тот, у кого способность к подвигу и жертве оказывается большей.

Неисчерпаемый опыт русской поэзии периода Великой Отечественной войны в настоящее время становится всё более насущным, будучи живым источником знания того опыта победы над Смертью и Неправдой, которого так остро недостаёт современным поколениям.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Перечень докладов в хронологическом порядке	4
А.И. Атоян. Жажду справедливости утоляет соль	6
Н.С. Ищенко. Гностические идеи в советской фантастике	12
О.А. Шурко. Апории Зенона и квантовый хаос	18
А.А. Сигида. Обсуждение фильма «Когда Ницше плакал»	21
Н.С. Ищенко. Американская культура как универсальный посредник в творчестве Кэндзабуро Оэ	23
А.И. Атоян. Философия Resistense, или Встреча в Музее Человека: «Предательство интеллигенции» Жюльена Бенда и «Во что я верю» Жака Дюкло	31
А.И. Атоян. Винегрет – блюдо простое: заметки едока о едоцкой норме (Пирамида потребностей без Маслоу)	39
Д.С. Крысенко. К вопросу о движущих силах истории: последний акт холодной войны	44
С.С. Бойчук. Солнце русской поэзии, или Лермонтов – наше всё. К 200-летию со дня рождения	49
В.Ю. Даренский. Философия войны в русской поэзии периода Великой Отечественной войны	54

*Философское
монтеневское общество – 2014*

НА ГРАНИ МИРА И ВОЙНЫ

Составители – Ищенко Н.С., Заславская Е.А.
Редактор – Ищенко Н.С.
Компьютерная верстка – Котова Е.В.
Фото – Теликанова И.Ю.

Подписано в печать 20.03.2015.
Формат 60x84/16. Типограф. гарнитура Times New Roman.
Печать. RISO. Усл.-печ. л. 3,72.
Тираж 100 экз.